

ЮРИСТ СПЕШИТ НА ПОМОЩЬ № 3—2020

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ИГ «ЮРИСТ»:

В.В. Гриб, член Президиума Ассоциации юристов России, председатель Исполкома Российской академии юридических наук, вице-президент Федеральной палаты адвокатов, член-корреспондент РАО, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Е.И. Машаров, кандидат юридических наук

ПОМОЩНИК ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

М.И. Савина, пресс-секретарь СРО «Ассоциация форекс-дилеров» (АДФ)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

П.В. Крашенинников, председатель Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству, сопредседатель Ассоциации юристов России, доктор юридических наук, профессор;

Я.А. Арт, главный редактор ООО «Финверсия», эксперт Комитета Государственной Думы по финансовому рынку, член-корреспондент Международной академии менеджмента, член-корреспондент Международной академии экономики, финансов и права, кандидат экономических наук;

Е.Л. Забарчук, заместитель руководителя Аппарата Правительства Российской Федерации;

П.П. Серков, первый заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук;

Т.К. Андреева, заместитель Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отставке, заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук;

В.В. Блажеев, ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, сопредседатель Ассоциации юристов России, заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор;

А.В. Пилипчук, работник органов внутренних дел, экс-глава управления МВД по связям со средствами массовой информации, генерал-майор МВД;

П.Б. Шелищ, председатель ОСОО «Союз потребителей Российской Федерации», кандидат философских наук, доцент.

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ИГ «ЮРИСТ»:

Бабкин А.И., Белых В.С., Платонова О.Ф., Ренов Э.Н., Трунцевский Ю.В.

ПОДПИСКА НА ИЗДАНИЕ

Индекс по каталогам:

«Объединенный каталог. Пресса России» — 38835

ЦЕНТР РЕДАКЦИОННОЙ ПОДПИСКИ:

Тел.: (495) 617-18-88 (многоканальный)

РЕДАКЦИЯ:

Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.

НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ И КОРРЕКТУРА:

Швечкова О.А., к.ю.н.

АДРЕС РЕДАКЦИИ/ИЗДАТЕЛЯ:

115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7. Тел.: (495) 953-91-08.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

ПИ № ФС 77-65759 от 20 мая 2016 г.

ISSN 1818-0728

Подписано в печать 29.05.2020 г. Выход в свет 10.06.2020 г.

Отпечатано в типографии «Национальная полиграфическая группа», 248031, г. Калуга, п. Северный, ул. Светлая, д. 2. Тел.: (4842) 70-03-37.

Формат 60x90/8. Печать офсетная. Физ. печ. л. 6,0.

Усл. печ. л. 6,0. Общий тираж 2 000 экз. Цена свободная

Фото на обложке: личный архив А. Гавриленко

Содержание

МНЕНИЕ ЭКСПЕРТА

Анатолий Гавриленко: «Рынок должны развивать именно бизнесмены. Государство должно создавать условия».
Интервью с координатором Совета финансового рынка, председателем Экспертного Совета по финансовой грамотности в сфере деятельности некредитных финансовых организаций при Банке России..... 2

Алина Розенцвет: «Новые агентства способны привнести «свежую кровь» в развитие рейтингового бизнеса».
Интервью с генеральным директором Национального рейтингового агентства 6

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Филипенко В.А. Подход “due diligence”: как выбрать добросовестного контрагента..... 9

Кузнецов Д.А. Конфискация и ее цели в современном уголовном праве..... 13

Шерникова Д.А. К вопросу о сроке представления возражений (отзыва) ответчиком..... 18

Демидов Д.Г., Машаров Е.И. К вопросу о разграничении финансовых инструментов рынка ценных бумаг и инструментов, используемых в азартных играх..... 21

СЛОВО МОЛОДЫМ ЮРИСТАМ

Кособродов Н.В. Историческое развитие института присяжных заседателей..... 24

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1..... 28

Постановление Конституционного Суда РФ от 28 апреля 2020 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статей 15 и 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Музыки» 41

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Использование материалов в других изданиях допускается только с письменного согласия редакции.

Ссылка на журнал обязательна.

Анатолий Гавриленко: «Рынок должны развивать именно бизнесмены. Государство должно создавать условия»

Координатор Совета финансового рынка, председатель Экспертного Совета по финансовой грамотности в сфере деятельности некредитных финансовых организаций при Банке России Анатолий Григорьевич Гавриленко рассказал читателям журнала «Юрист спешит на помощь» о первых этапах формирования финансового рынка в России, актуальных проблемах и перспективах его развития.

— Анатолий Григорьевич, расскажите нашим читателям о ваших первых шагах на финансовом рынке?

— Первые шаги на финансовом рынке начались с того, что мне надо было определиться, чем я хочу заниматься в принципе, на рынке в целом. А так как в то время мне уже было около 50 лет, я понимал, что я должен начинать что-то такое, что было бы интересно моему сыну, который уже учился в МГУ. И я его спросил: «Что тебе было бы интересно из того, что сегодня происходит на рынке?». Вот он подумал-подумал и сказал: «Мне очень интересно то, что сегодня происходит на бирже: биржевая торговля, вот эти фьючерсы, вот эти акции, облигации. Вот это, наверное, очень интересно». Я говорю: «Прекрасно! Давай будем этим заниматься». Я имею в виду, что тогда можно было делать все что угодно. Раньше была сплошная целина — то есть можно было делать все что угодно. Ни банковского, ни финансового рынка тогда не было. Единственное, были страховые компании, вместо одной большой страховой компании, существовавшей при советской власти, стало много разных. То же самое: был один сберегательный банк, потом возникло много новых банков. И ни тем, ни другим мы не занимались, было неинтересно. Но возник такой чрезвычайно увлекательный рынок — небанковский. В то время начали появляться люди, среди них, например, Миша Мамута, которые утверждали, что нужно заниматься микрофинансированием. На него все смотрели удивленно, никто не понимал, что это такое. И Михаил доказал, что это правильно и нужно только в 2008 году. А про акции, облигации, биржевой рынок узнали сразу, сразу организовалась Московская биржа. Она была такая полугосударственная, в рамках этой

Биржи начал котироваться рубль, а пара рубль/доллар активно торговалась. Потом они потихонечку начали торговать и акциями, и облигациями. В общем это было очень увлекательно, высокоинтеллектуальный, скажем так, рынок, который был интересен молодежи. Из всей этой молодежи, которая работала, я был один из самых «старых», если не самый старый, тогда уже. Конечно, я с удовольствием услышал, что сыну нравится вот этот рынок, и сказал: «Ну, прекрасно! Давай попробуем этим позаниматься». И вот тогда была организована первая компания «АЛОР ИНВЕСТ». Тогда мы начали работать на этих рынках.

— Какой путь вы прошли после ухода из Совета экономической взаимопомощи и — до координатора Совета финансового рынка в настоящее время?

— Какой путь? Большой! Во-первых, я уходил тяжело. Я тогда уже был взрослым человеком, 40–46 лет. Достиг какого-то определенного положения, должность была советника. Это где-то замминистра союзного значения. Вы представляете себе это? Когда у человека прекрасный оклад, где-то 450 рублей. По тем временам это очень большие деньги. Когда у тебя дипломатический паспорт, когда в год четыре-пять поездок за рубеж. Когда у тебя уютный кабинет, иностранные коллеги, где с тобой всегда вежливо разговаривают, когда ты идешь обедать, тебе желают «приятного аппетита». Сейчас это смешно выглядит, а в те времена (при советской власти) это было что-то очень хорошее. В общем все было классно, ты классно работаешь. Но вот тут наступает рынок, и ты понимаешь: завтра у того, чем ты занимаешься, нет. Но не все это понимали. После моего ухода СЭВ года четыре — лет пять еще

проработал. Люди там цеплялись, пытались что-то сохранить. Очень жалко, что не сохранили, но, к сожалению, мы сами в этом виноваты. Дальше пошел рынок. Очень долго с женой советовался на эту тему. Я ее спрашивал: «Наташ, вот ты как считаешь все-таки?». Она говорит: «Я в тебя верю. Давай попробуй!».

Помню, мы в уставной капитал внесли мою и ее зарплату, и это у нас был первый уставной капитал. Компания называлась «Эго», я не хотел ни за кого отвечать, никого слушать. Хотел быть исключительно самостоятельным, поскольку, пока я работал на государство, мне настолько надоело всех слушать, говорить то, что они мне говорят. Я очень часто был не согласен, но все равно надо было делать так, как тебе говорят. Я думаю: хочу свободы, хочу делать так, как я думаю. И я начал делать так, как я думал. Я сделал «Эго». Тогда я мог говорить уже, что думал, и делать то, что думал. Вот это была эйфория. Когда ты реально свободен, свободен в своих поступках, в своих действиях. Но изначально было очень сложно, поскольку надо было заработать какие-то деньги, надо было кормить семью. Это главное, ведь бизнес — это прежде всего ответственность. С продуктами было очень плохо, пока я работал в СЭВе, их можно было достать. Это был определенный риск, и я на этот риск пошел, потому что мне хотелось. Я внутри понимал, что я предприниматель. С одной стороны, 90-е годы были очень сложными, было очень много бандитизма, милиция практически не работала, законов никаких не было. Это все было где-то страшно, где-то тяжело, но, с другой стороны, это было жутко увлекательно. Во-первых, никаких законов нет, и ты можешь делать все, что не запрещено законом. Что придумал, то и делай. Я делал ровно то, на чем можно было заработать деньги.

— Каким был финансовый рынок России в девяностые годы и в начале двухтысячных годов? Какие участники финансового рынка были у самых истоков его формирования? Какие инвестиции пользовались спросом в те времена?

— Настоящее рыночное движение началось со срочного рынка, с Московской биржи. Это исключительно рыночная площадка, к которой государство не имело никакого отношения. Торги были голосовые, они, я помню, очень нравились Юрию Лужкову. Когда появились электронные торги, он говорил, что это неинтересно. Тогда там правила были несовершенны: мы каждую неделю собирались и вносили изменения в правила. Позже у молодежи, в том числе у руководства, наступила эйфория. Все радовались, какие мы молодцы, какие мы крутые. Есть такое понятие, как залоговые средства. Вот

биржа работает, если я торгую фьючерсами, то я в обеспечение своих позиций вношу определенную сумму денег. Таких денег собирается от каждой компании, людей миллиарды рублей. Эти деньги лежат на бирже, а для того, чтобы биржа спокойно работала, то есть обеспечивала эти торги, достаточно 20–30% от 100% этих залоговых средств; остальные деньги лежат, и их как бы можно размещать. Но тогда не было никаких правил, поэтому как руководители бирж хотели, так они себя и вели. Они эти деньги размещали, размещали под огромные проценты. В те времена это было 300–400% годовых. Потом стало поменьше, но все равно бешеные проценты. В те времена банки рушились еще быстрее, чем сегодня. Очень много банков создавалось с желанием заработать деньги. Я считаю, что было не столько много жуликов, сколько добросовестного заблуждения. И вот: создавался банк, туда несли деньги, потом он проседал, все деньги куда-то исчезали. В общем все было так. Московская биржа работала до тех пор, пока они не ушли на новогодние каникулы. Я помню это прекрасно. Нас собиралось человек тридцать. Исполнительный директор нам говорит: «Вы знаете, мы посоветовались с советом директоров и решили объявить каникулы на один месяц». Я тогда им сказал, что зря они это делают, кто знает, что может произойти. Ну, они и ответили: «Нет, Анатолий Григорьевич, все будет нормально». Это было 20 декабря, мы все разъехались. Но кто будет по тем временам целый месяц держать деньги на счетах у биржи? Люди начали под Новый год отзывать деньги из залоговых средств. Сначала чуть-чуть взяли, потом еще. Эти руководители бирж перепугались и быстренько сказали «нет». То есть как только биржа напряглась с выдачей денег, тут-то биржа сразу и грохнулась. Тут же. Все это произошло на моих глазах. Всем последующим биржам я говорил: «Ребята, очень важно, те деньги, которые нам отдадут в залоговые средства, держать либо в государственном банке, либо в каких-либо государственных бумагах, но ни в коем случае, во-первых, не отдавать в какие-либо рискованные бумаги. Во-вторых, хозяевам денег регулярно рассказывать, где они лежат и в каких деньгах они есть. Приблизительно то же самое произошло и с Российской биржей. Потом мы с этой биржей пытались вернуть какие-то деньги и возобновить торги.

— Почему «финансовые пирамиды» получили такое широкое распространение в девяностых годах и продолжают существовать в наши дни?

— Почему было много финансовых пирамид? Во-первых, потому что советский человек — человек, который с младых ногтей был приучен доверять

бумаге, то есть человек, если читал, что в ней написано, он этому верил. Тогда люди могли писать что угодно и давать любую рекламу. Все эти рекламы «МММ», «Хопёр-Инвест» были. Тогда они не назывались пирамидами, никто не понимал, что такое пирамида. 1992 год — год, когда было огромное количество банков, которые привлекали деньги под сумасшедшие проценты. Дальше появились всякие «МММ». Это когда вам рассказывают о том, что вы можете положить деньги, а потом эти деньги два раза в неделю растут: во вторник и четверг. Скажем, в среднем каждую неделю они росли два раза, и каждый раз рост был на три процента во вторник, потом на 2,50% в четверг, потом — 2% во вторник. По сложным процентам выходили какие-то сумасшедшие деньги. Сначала покупка-продажа была спокойная, люди несли свои деньги. На этих пирамидах они зарабатывали, жили, но до одного прекрасного момента, когда вдруг все закрывалось. На самом деле нельзя сказать, что закрывалось только оттого, что люди взяли все деньги и уехали. Ни одна пирамида, которую я знаю, не дошла до того момента, когда сама по себе схлопывалась. Ее все время где-то останавливали, будь то милиция или политические лидеры.

— Крупнейшим сегментом финансового рынка девяностых и начала двухтысячных годов были банки. По вашему мнению, почему многие из них не смогли продолжить свою работу в настоящее время, а часть из них оказались не способными работать в соответствии с требованиями банковского законодательства Российской Федерации?

— Во-первых, у нас не было столько банковских специалистов. По большому счету банк — очень скучная, но тщательная и скрупулезная работа. Во-вторых, тогда у человека не было вообще предпринимательского опыта. В-третьих, чаще всего банки принадлежали каким-то одним контрольным акционерам. Они могли делать что угодно. Получалось, что человек сдает деньги в банк, уверенный, что там тщательно продумывают, куда эти деньги вкладывать, но на самом деле эти деньги брали и вкладывали в тот бизнес, который хозяину банка казался интересным. Это все отсутствие культуры, в том числе правовой, отсутствие должного надзора. Люди закона не знали и нарушали все, что только можно было нарушить. Люди в первые пять лет 90-х верили всем: друг другу, газетам, телевидению. И поэтому их все дружно обманывали. Формула моего бизнеса была всегда только одна. Мы работаем только на свои деньги. Мы ни у кого не занимаем деньги. Мы вкладываем только те деньги, которые заработали. Это помогло мне выжить и дожить до сих пор.

— Расскажите, когда и каким образом была открыта первая в России биржа срочного рынка?

— Московская биржа, она и начала торговать срочными контрактами. Она называлась Московская Товарная Биржа. Реально она должна была торговать зерном, сахаром и всем остальным, но, кроме этого, она торговала парой рубль/доллар на фьючерсах. Товарная секция практически не работала. Настоящий рынок начался с Московской Товарной Биржи.

— Что представляет собой современный рынок финансов России? Какие перспективы развития у срочного рынка есть сегодня?

— Сегодняшний день — это то, что мы не видели два-три года назад. Сегодня совершенно другая ситуация. Те технологии, которые сегодня пришли на этот рынок, все поменяли. Сейчас огромное количество неопределенности, которая существует на тему развития рыночных механизмов. Сегодня государство очень плотно взяло под опеку весь рынок. Это одна история. Второе. Сегодня пришли совершенно другие технологии, которые резко поменяли весь рынок. Это другая история. В-третьих, сегодня единый регулятор, который одновременно регулирует рынок, владеет финансовыми компаниями, создает законы для рынка и контролирует его. Другими словами, в одном лице мы имеем совершенно новую структуру. Раньше такого не было. Такой контроль превратился в административную нагрузку, которая давит на этот рынок и не дает ему нормально развиваться. Есть еще одна проблема: Центральный банк всегда говорит, что он развивает рынок, но как он может его развивать, если он не является рыночной структурой? Это бизнес должен развивать рынок. Я их критиковал до тех пор, пока не прочитал закон в 2012 году, где написано, что Банк России развивает рынок. Пока эту фразу не уберут и не напишут, что Центральный Банк, в том числе, и Министерство финансов, должны создавать условия для развития рынка, государственные организации будут заниматься той ерундой, которой они занимаются сейчас. Рынок должны развивать именно бизнесмены. Государство должно создавать условия. На сегодняшний день результаты развития рынка печальны.

— Каким основным международным требованиям он отвечает?

— Наверное, все, что касается финансового рынка, отвечает основным международным требованиям.

— Какие сектора финансового рынка России еще недостаточно развиты по сравнению с Европейской и/или Американской регуляцией?

— Мы совершенно не развиваем цифровой биржевой рынок. Мы боимся этого. Мы патерна-

листки относимся к нашему населению, как бы чего не случилось. В общем у нас цифрового рынка нет. Я не считаю, что это хорошо.

— Какие сектора современного рынка финансов России вы считаете наиболее перспективными для развития и почему?

— На сегодняшний день все биржевые инструменты пользуются большой популярностью. Другое дело, что биржа как платформа снижает преграды для доступа физического лица. Если раньше, например, чтобы что-то купить, надо было что-то долго-долго делать, то сегодня технологии позволяют нажать кнопку. Если раньше биржа работала только с юридическими лицами и брокерами, то сейчас она выстраивает платформу, на которую могут заходить все, в том числе и простые клиенты. Здесь, конечно, появляется конфликт интересов, но тем не менее надо понимать, что в будущем брокер станет частью этой платформы. Все перспективы в целом связаны с новыми технологиями, а они много что позволяют. У нас большой потенциал цифрового развития, который на сегодняшний день не реализуется на финансовом рынке по большому числу ограничений, которые присутствуют. Регулировать и «мониторить» цифровой рынок, не имея такового, — бессмыслица. На финансовом рынке нет ни одной цифровой биржи, ни одного токена не торгуется, а мы говорим, что регулируем. Что регулируется, не совсем понятно.

— Вот уже целый год идет активное обсуждение законопроекта, инициированного Службой защиты прав потребителей и обеспечения доступности финансовых услуг Банка России о введении категорий инвесторов — физических лиц. По вашему мнению, нужно или нет вводить категоризацию инвесторов — физических лиц? Если да, то на каких условиях?

— Там очень жестко обсуждают, что можно, а что нельзя делать человеку. На мой взгляд, это, конечно, нарушение его прав. Да, это защита, но мало кому понравится, если мы все скажем, что хотим вас всех защитить от гриппа, поэтому вы в обязательном порядке должны носить вот эту маску на улице. А если нет, мы вас штрафовать будем и еще в тюрьму посадим. Другое дело, можно сделать оговорку, что, если он проиграет, теряет право на получение какой-либо помощи. Пожалуйста! Но почему мы не даем людям реальное право тратить заработанные ими деньги? Мне бы хотелось, чтобы все это говорили сами люди, а не государство. Защищать клиента мы должны, но если ты свободный человек,

почему тебе это запрещено? Люди рискуют, покупая всякое барахло, и никто им не запрещает этого делать.

— В последнее время стала формироваться тенденция к сокращению числа профессиональных участников рынка ценных бумаг и объединению саморегулируемых организаций разных секторов профессиональной деятельности финансового рынка, наблюдается массовый отзыв лицензий у кредитных организаций. По вашему мнению, в чем причина этих явлений? Какой эффект для развития финансового сектора они имеют?

— Во-первых, я считаю, что это проблема того, что рынок становится более государственным, менее рыночным. Если раньше на рынке можно было делать все, что не запрещено законом, то сегодня не до конца понятно, что можно делать, даже если это разрешено законом. Далее. Правоприменение еще тяжелее, нежели сами законы. Вся эта нагрузка, которая идет со стороны правоохранительных органов, конечно, тормозит бизнес, ухудшает инвестиционный климат. Что касается саморегулируемых организаций, я считаю, что на сегодняшний день есть правило, чтобы были две саморегулируемые организации по каждому сектору финансового рынка. Все это должно быть естественно. Если будет одна, не будет конкуренции.

— Развитие финансовой грамотности — одно из ключевых направлений деятельности Банка России сегодня. По вашему мнению, каким образом должна быть организована работа по распространению правил финансовой грамотности и каким группам граждан она должна быть адресована?

— Сегодня финансовая грамотность без цифровой невозможна, поэтому мы говорим о финансовой цифровой грамотности. Я бы еще добавил налоговую культуру, поскольку считаю, что налоги надо все-таки платить. Налоги — очень важный элемент развития государства. Очень много разговоров о том, что распространять финансовую грамотность должны волонтеры. Я считаю, да, волонтеры, но сегодня я вижу только людей, которые глубоко погружены в финансовую науку. Это участники рынка, преподаватели различных вузов, участники различных компаний, которые работают рядом либо на финансовом рынке. Их должно быть не менее ста тысяч человек. Финансовый рынок — это прежде всего репутация и доверие.

Беседу вела
Мария Савина

Алина Розенцвет: Новые агентства способны привнести «свежую кровь» в развитие рейтингового бизнеса

Генеральным директором Национального рейтингового агентства была назначена Алина Розенцвет. Она рассказала порталу Finversia.ru (партнеру журнала «Юрист спешит на помощь») о том, как будет развиваться агентство, стоит ли ожидать значимых перемен в его деятельности, а также поделилась своим видением ситуации на рейтинговом рынке страны в целом.

— Алина, Вы встаете у руля агентства, которое совсем недавно получило аккредитацию в реестре ЦБ. Связаны ли эти события? Будете ли вы пересматривать приоритетные направления развития Агентства и его бизнеса, ведь еще недавно в НРА заявляли, что нацелены на кредитные рейтинги для компаний нефинансового сектора и страховых организаций?

— НРА вошло в реестр Банка России чуть более полугода назад. За этот период Агентство присвоило 8 некредитных рейтингов надежности и качества услуг, поддерживается еще 14 некредитных рейтингов.

Некредитные рейтинги исторически были сильной стороной НРА. В прошлом году были усовершенствованы соответствующие методологии, и качество этой услуги Агентства перешло на более высокий уровень. В ближайшие месяц-два НРА присвоит еще около 15 некредитных рейтингов.

Что касается основного вида деятельности аккредитованных кредитных рейтинговых агентств — кредитных рейтингов, то, к сожалению, Агентство пока движется к достижению намеченных планов медленнее, чем хотелось быть. Тем не менее мы планируем выпустить как минимум два соответствующих релиза, а к лету — еще три. Это будут рейтинги, присвоенные страховым компаниям. Я сейчас говорю о том, что уже точно будет. При этом Агентство не планирует менять приоритеты, сохранив поставленные цели по кредитным рейтингам для предприятий нефинансового сектора и страховых компаний, наращивая свою активность на рынке.

— Как именно вы будете добиваться этих целей?

— Для реализации этих планов созданы все предпосылки — утверждены соответствующие методологии, а в ближайшее время выйдет методология присвоения кредитных рейтингов страховым компаниям, занимающимся страхованием жизни. Мы по-прежнему нацелены на рейтингование компаний МСП, входящих в так называемый «сектор роста» Московской биржи. Это направление, вероятно, в ближайшее время не сможет дать желаемых темпов развития, но тем не менее требует подготовки и усовершенствования методологической базы, детализации подходов.

В то же время интерес Агентства к развитию кредитных рейтингов финансовых компаний будет более значительным, чем это предполагалось ранее. Банки — моя стезя, практически вся моя трудовая биография так или иначе с ними связана, поэтому, конечно же, с моим приходом активизируется работа по выпуску методологий рейтингования организаций этого сектора экономики — банков, других финансовых компаний, институтов микрофинансирования, лизинговых компаний, а в перспективе — краудфандинговых площадок и других финансовых посредников.

— Продолжит ли Агентство присваивать «экологические» рейтинги?

— НРА одним из первых рейтинговых агентств начало прорабатывать тематику оценки устойчивого развития. В 2014 году вышел первый рейтинг экологической ответственности нефтегазовых компаний

России, который мы готовили совместно с WWF и фондом KREON. Проект был задуман для снижения нагрузки на окружающую среду, а также развития социальной ответственности у бизнеса. Рейтинг был по многим аспектам уникальным, в нем приняли участие крупнейшие нефтегазовые компании России. За прошедшие семь лет с помощью этого рейтинга удалось добиться существенного повышения уровня публичного раскрытия информации компаний в части загрязнения окружающей среды, а также программ ликвидации аварийности в регионах добычи нефти и газа. Кроме того, компании стали действительно уделять больше внимания устранению результатов аварийного загрязнения не только окружающей среды, но и сокращению влияния на социальную среду регионов. Таким образом, рейтинг подтолкнул российские компании к реализации программ ответственного финансирования и соблюдению принципов устойчивого развития, что сейчас является одним из ключевых факторов при оценке деятельности бизнеса в мире. Сейчас рейтинги развиваются по отраслевому принципу. В рейтингах 2019 года в нефтегазовой отрасли оценено 20 компаний, горнодобывающей — 43, электрогенерирующей и теплогенерирующей — 15 компаний. В 2020 году прибавится еще две отрасли. В международном рейтинге, который носит название «Каспийский», оценены 32 компании Казахстана и Азербайджана.

— Как будет развиваться это направление бизнеса в Агентстве?

— Накопленные компетенции НРА во взаимодействии с ключевыми экспертами в области устойчивого развития были реализованы в двух методиках: верификация зеленых финансовых инструментов на соответствие признаваемым принципам зеленого финансирования на российском и международном рынке, и рейтинг ESG (Environmental Social Governance). Рейтинг ESG оценивает нефинансовые факторы (экология, социальная политика и корпоративное управление) и их влияние на долгосрочную устойчивость и успешность компании. Оценки такого рода наряду с экологической открытостью становятся в мире ключевыми критериями для принятия решений институциональными и частными инвесторами при работе с проектами, а международными банками и фондами — при организации финансирования и кредитования. Методики прошли этап тестирования на пилотных компаниях и в скором времени будут представлены в Банк России в числе дополнительных услуг, предлагаемых Агентством.

В планах НРА на этот год — присвоение рейтингов ESG, верификация путем выражения второго мнения по «зеленым» облигациям эмитентов, выходящих на биржу и уже разместивших на ней облигации. В дальнейшем, по мере накопления опыта, НРА планирует интегрировать факторы ESG в методологии присвоения кредитных и некредитных рейтингов.

— Грядут ли другие перемены в агентстве? Кадровые, в частности?

— Агентство находится в стадии окончания формирования команды. Это оказалось не такой простой задачей, тем не менее костяк уже создан, особенно в Рейтинговой службе и поддерживающих подразделениях. Требуется еще усилить команду за счет профильных аналитиков, профессиональных методологов. Кстати говоря, если ваши читатели хотели бы попробовать себя в рейтинговой сфере, то мы готовы рассматривать их резюме, встречаться в любом возможном формате.

В целом же я уже прочувствовала сильный, закаленный командный дух в НРА. Думаю, нам не страшны любые грядущие испытания, поскольку понимание друг друга и взаимовыручка — это сильные стороны большинства сотрудников НРА.

— Какое у вас отношение к демпингу в отрасли? Ведь на рынке уже 4 аккредитованных ЦБ агентства? Как вы думаете, как изменится отрасль в связи с выходом двух агентств «на игровое поле»? Будет ли это взрывной рост количества присвоенных рейтингов? Например, рейтингов для малых компаний? Насколько это изменит их способность привлекать фондирование?

— Я считаю, что конкуренция на любом рынке — это всегда благо для клиентов. И это не всегда означает демпинг — может, просто цены приходят к разумному уровню, посиленному для большинства компаний, а не задраны «до небес». На мой взгляд, с учетом современных информационных технологий, доступности данных, роста прозрачности бизнеса, развитости различных каналов распространения информации, дороговизна рейтинга — это в большой степени миф.

Я думаю, что новые агентства способны привнести «свежую кровь» в развитие рейтингового бизнеса в России, простимулировать внедрение новых технологий, а самое главное — расширить сферу применения рейтингов.

На мой взгляд, наличие хотя бы одного рейтинга от аккредитованного агентства должно стать

“must have” для любой уважающей себя компании, прочно войти в практику делового оборота. При этом сама отрасль уйдет от изначально заданного пути развития, когда необходимость рейтинга диктовалась исключительно теми или иными нормативными требованиями, а ценовая политика определялась тем, что клиенты вынуждены иметь рейтинг.

Конечно, то или иное регулирование — это стимул, подталкивающий компании к тому, чтобы «попробовать» рейтинг, но в стратегической перспективе, я надеюсь, наличие рейтинга просто станет частью культуры ведения бизнеса в стране. А для этого сами рейтинги должны стать доступными широкому кругу компаний, что невозможно без адекватных цен.

— Что, на ваш взгляд, могло бы подтолкнуть рынок к такому пути развития?

— Дополнительный вклад в развитие этой культуры могли бы внести банки. Летом прошлого года активно обсуждалась идея применения национальных рейтингов при оценке корпоративных рисков в рамках так называемого «Базеля-3,5». При этом, помимо сложностей, связанных с недостаточным для эффективного с точки зрения использования капитала международным страновым уровнем рейтинга, проблемой выбора пути, ориентированного на рейтинги, стало и крайне низкое количество рейтингов, присвоенных по национальным шкалам. И тут явно виден «замкнутый круг»: без значительного числа отрейтингованных компаний нельзя перейти к использованию этого инструмента при оценке корпоративных рисков, с одной стороны. А с другой, банки без этого не направляют компании в сторону рейтинговых агентств, а последним и нет особого экономического смысла к ним идти — на процентную ставку наличие рейтинга в большинстве случаев никак не повлияет. Вот здесь, мне кажется, именно банкам под силу разорвать замкнутый круг и сформировать у своих клиентов практику получения рейтинга, а затем уже и получить возможность высвободить капитал по «Базелю-3,5». Но еще раз, для этого рейтинги должны быть доступны по цене,

а банки должны доверять агентствам и учитывать их мнение при оценке кредитного риска (что, на мой взгляд, было бы им в любом случае крайне полезно как «второе мнение»).

— В чем вы видите преимущество НРА в сравнении с коллегами по цеху? Кого считаете своими конкурентами?

— К счастью, конкурентное поле в рейтинговом бизнесе все-таки достаточно узкое, а деятельность компаний максимально прозрачна, поэтому при анализе мы рассматриваем в качестве конкурентов все три российские рейтинговые агентства, а в плане стандартов деятельности ориентируемся на практику международных агентств, имеющих более чем вековую историю работы.

Профессионализм аналитиков, глубина мысли и математические способности методологов, реторопность и способность четко понять клиента со стороны сотрудников клиентского департамента, обеспечение сохранности и конфиденциальности информации — это уже просто правила жизни рейтингового агентства, которым НРА неукоснительно следует. При этом деятельность рейтингового агентства, как и, например, аудиторов, специфична. Платит за услуги одна компания, а результатом пользуется гораздо более широкий круг стейкхолдеров, начиная от государства и заканчивая частным инвестором — физическим лицом. Поэтому задача Агентства состоит в том, чтобы, сохранив в первую голову независимую от оплачивающего услуги клиента позицию, быть максимально с ним в контакте, слушать и слышать его, понимать специфику его бизнеса, учитывать особенности, доверять (но, правда, и проверять) планам и прогнозам, не ставить себя выше клиента, ориентироваться на его профессионализм и глубокие знания той области, в которой он работает. Это непростая задача, но уверена, что НРА на это способно, и эта черта — наше главное конкурентное преимущество.

Беседу вели
Дмитрий Бжезинский и Федор Чайка
Finversia.ru

Мы в социальных сетях Facebook и Instagram!
Анонсы мероприятий, фотоотчёты и свежие новости нашего издательства.
ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ!

Facebook: <https://www.facebook.com/ig.lawinfo/>
Instagram: <https://www.instagram.com/ig.lawinfo/>

Подход “due diligence”: как выбрать добропорядочного контрагента

Филипенко Виктор Александрович,
студент 4 курса Института правового консалтинга
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
viktoraf@bk.ru

Для достижения наиболее благоприятного результата своих сделок участники гражданского оборота стараются иметь дело с проверенными, добросовестными контрагентами. Особенно это важно для сферы предпринимательской деятельности, которая характеризуется большими рисками. А в некоторых случаях тщательная проверка контрагента не только поможет избежать обычных экономических издержек, но и будет являться весомым аргументом в суде.

Предлагаем рассмотреть подход, который достаточно широко распространен в западных правовых порядках, но в Российской Федерации не получил теоретического обоснования и нормативного закрепления¹. Речь идет о подходе “due diligence”, название которого можно перевести как «должная старательность» или «внимательное отношение»².

Суть данного метода заключается в том, что потенциальная сторона договора или, если договор уже заключен, один из контрагентов по своей инициативе собирает подробную информацию о своем контрагенте. Due diligence по известным причинам чаще всего используется в инвестиционной деятельности, когда необходимо удостовериться, что объект инвестиций не только стоит того, но и не является проблемным с точки зрения права, финансов, внутренней экономики. Примечательно, что на сегодняшний день обычная проверка контрагента превратилась в полноценный комплексный метод, что обусловлено развитием деловой культуры.

Due diligence может осуществляться самостоятельно либо с привлечением контрагента и третьих лиц (консультантов, экспертов). В отличие от аудита, due diligence не основан на узком подходе анализа

бухгалтерской и налоговой отчетности, а применяет более широкие методы, позволяющие наиболее эффективно и детально провести всесторонний анализ производственного предприятия³. Способы сбора информации очень разнообразны, их можно классифицировать по сферам деятельности контрагента:

1. Корпоративные риски. В данной сфере целесообразно проверить правомерность создания юридического лица, наличие учредительных документов, уставный капитал и структуру органов управления.

2. Риски хозяйственной деятельности и финансовые риски. В анализ данного направления входит сбор информации о наличии обязательств контрагента, дебиторской задолженности, признаках банкротства. Кроме того, не лишним будет оценить финансовые показатели контрагента, способы привлечения активов, перспективность инвестирования в деятельность.

3. Налоговые риски. Очень важно проверить контрагента на предмет соблюдения налогового законодательства, налоговой политики предприятия.

4. Юридические риски. В сфере рисков, связанных с соблюдением законодательства, необходимо проверить право собственности контрагента на те или иные активы, обременения (например, залог акций), признаки противоправной или преступной деятельности.

5. Риски менеджмента. Очень важно оценить эффективность управления, если речь идет о юридическом лице, компетентность персонала, руководителей.

Также due diligence бывает внутренним и внешним, в зависимости от субъекта сбора информации. Соответственно, внутренний due diligence проводится специалистами компании, которая является

¹ Есипова М. Налоговый Due Diligence: как выявлять и оценивать риски // Информационно-правовой портал «ГАРАНТ.РУ». URL: <https://www.garant.ru/ia/opinion/author/esipova/1278396/>

² Оськина С.Д. Англо-русские термины гражданского и гражданского процессуального права / сост. С.Д. Оськина. Омск, 2003. С. 147.

³ Шестакова Е. Модное слово или эффективная проверка. Due diligence производственного предприятия // Финансовая газета. 2018. 5 февраля.

объектом проверки, а внешний проводится с привлечением специалистов на усмотрение инициатора проверки. Чаще всего в качестве специалистов привлекаются юристы, аудиторы, финансовые аналитики, налоговые консультанты⁴.

На первый взгляд, due diligence представляет собой набор рекомендаций, некий уровень деловой культуры лица. Однако в институтах действующего гражданского законодательства есть некоторые «элементы» due diligence. Поэтому не лишним будет раскрыть взаимосвязь данного подхода с гражданским законодательством и попытаться выявить негативные последствия его игнорирования.

Метод due diligence неразрывно связан с принципом добросовестности участников гражданского оборота (п. 3 ст. 1, п. 5 ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации, далее — ГК РФ). Исходя из этого, к методу due diligence применимы положения недействительных сделок, совершенных под влиянием существенного заблуждения (ст. 178 ГК РФ); о добросовестности приобретателя (абз. 2 п. 2 ст. 223 и п. 1 ст. 302 ГК РФ); о добросовестности субъектов обязательства (п. 3 ст. 307 ГК РФ), а также в отношении института заверений об обстоятельствах (ст. 431.2 ГК РФ) и др. Системный анализ позволяет понять, что due diligence — это частный случай проявления принципа добросовестности. То есть участник оборота, который поинтересовался, действительно ли контрагент является собственником определенного актива, не является ли актив доходом от преступной деятельности и т.д., может признаваться добросовестным.

Наиболее интересной представляется проблема взаимодействия метода due diligence и института заверений об обстоятельствах. Заверения в российском законодательстве появились 1 июня 2015 г. путем рецепции англо-американского права института заверений и гарантий (representations and warranties)⁵. Заверения об обстоятельствах — это утверждения в отношении фактов, имеющих значение для заключения, исполнения, прекращения договора. Правомерные заверения могут даваться одной из сторон или обеими сторонами в случае уверенности в правдивости и действительности определенных обстоятельств. Например, продавец в договоре купли-продажи акций заверяет покупателя, что акции не имеют обременений. Согласно

своему назначению заверения должны помочь контрагенту как можно скорее заключить договор, без каких-либо дополнительных размышлений и проверок. Однако как быть, если заверения являются недостоверными, а контрагент не проявил «внимательного отношения» (due diligence)?

В соответствии со ст. 431.2 ГК РФ недостоверные заверения об обстоятельствах влекут за собой наступление гражданско-правовой ответственности в виде возмещения убытков, причиненных недостоверностью сведений, или в виде предусмотренной договором неустойки.

При этом Пленум Верховного Суда РФ отмечает, что лицо, предоставившее заведомо недостоверное заверение, не может в обоснование освобождения от ответственности ссылаться на то, что полагавшаяся на заверение сторона договора являлась неосмотрительной и сама не выявила его недостоверность⁶. Кроме того, Верховный суд указывает на то, что если заверение предоставлено лицом в связи с договором об отчуждении акций (долей) в уставном капитале хозяйственного общества, то в случае недостоверности заверения лицо, предоставившее заверение, независимо от вины привлекается к гражданско-правовой ответственности. Таким образом, на первый взгляд, сторона, которой предоставили заверение об обстоятельствах, надежно защищена, даже если не провела проверку контрагента.

При этом судебная практика по делам, в которых фигурируют заверения и гарантии, все еще только складывается. Поэтому встречаются противоречивые позиции судов.

Так, например, суд не удовлетворил требования истца о взыскании неустойки с ответчика за недостоверные заверения. Ответчик, который являлся продавцом, в договоре купли-продажи акций заверил истца-покупателя, что акции не находятся в залоге на момент заключения договора. В действительности почти все активы продавца находились в залоге. Суд мотивировал свое решение тем, что истец не проявил «должной старательности» при проверке контрагента и мог самостоятельно узнать о залоге⁷.

В другой спорной ситуации суд также отказал в удовлетворении иска, отметив, что сторона не

⁴ Дью-дилидженс — какой бывает и что дает заказчику? URL: <https://pravovest-audit.ru/nashi-statii-nalogi-i-buhuchet/dyudilidzhens-kakoy-byvaet-i-chto-daet-zakazchiku/>

⁵ Шухарева А.В. Что нового в «новом» институте заверений об обстоятельствах при продаже бизнеса? // Российская юстиция. 2019. № 7. С. 22–24.

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 3 октября 2017 г. по делу № А63-1976/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

должна привлекаться к ответственности по ст. 431.2 ГК РФ (недоверенность заверений), если она, давая заверения, не исходила из того, что другая сторона будет полагаться на них⁸. В целом выводы суда по делу являются не бесспорными, но вывод относительно заверений представляется вполне справедливым. Действительно, почему сторона, предоставившая заверение, но не рассчитывающая на его привлекательность, должна терпеть негативные последствия? Заверение может быть дано по обыкновению, а контрагент, получивший заверение, не утрачивает возможности удостовериться в его действительности.

Еще одно дело также хорошо демонстрирует разнообразие подходов к взаимодействию данных институтов. Суд отклонил требования истца об уменьшении покупной цены нежилого помещения, проход в которое осуществляется через соседнее помещение. В постановлении было указано, что истец (покупатель) проявил неосмотрительность при заключении договора, более того, он не потребовал от продавца предоставления заверений. Исходя из этого, истец, будучи профессиональным участником оборота, не проявил должной старательности перед вступлением в договорные отношения⁹.

С другой стороны, некоторые суды исходят из того, что понятие «заверение» предполагает активную роль соответствующей стороны договора, направленную на то, чтобы у контрагента появилась уверенность в достоверности сообщенной информации, т.е. имеет место убеждение одним субъектом другого¹⁰. Ответственность наступает, если сторона-заверитель исходила из того, что другая сторона будет полагаться на заверения, или имела разумные основания исходить из такого предположения.

В целом данный вопрос разрешается судами крайне субъективно, поскольку требует применения принципа добросовестности. Однако мы считаем, что подобные разночтения принципа могли бы быть сведены к минимуму, если бы законодатель предусмотрел правовую конструкцию *due diligence*. Действительно, во всех указанных выше делах неблагоприятные последствия одной из сторон следо-

вали именно из-за неприменения данного подхода. Сама спорная ситуация возникает, в частности, из-за того, что ни одна из сторон не уверена в правовой силе своей «должной старательности»: будет ли это уместно и необходимо, если уже предоставлены заверения, или можно обойтись без тщательной проверки контрагента? Субъекты отношений задумываются о существовании принципа слишком поздно, уже к моменту начала судебного разбирательства.

В законодательстве Великобритании и США в случае предоставления недоверенного заверения контрагент вправе требовать возмещения соответствующих убытков, расторжения договора, отказа от договора (недействительности сделки)¹¹. Последствия недобросовестных заверений могут быть различными. При этом иностранные суды активно применяют положения о *due diligence*, а международные коммерческие арбитражи почти всегда оценивают, насколько сторона была осведомлена о положении контрагента, какие конкретные действия предполагала для получения сведений¹². И речь идет не о проявлении классического принципа добросовестности, а именно о комплексном подходе проверки контрагента при осуществлении предпринимательской, инвестиционной деятельности¹³. Поэтому считаем, что восприятие отечественным законодательством данного зарубежного опыта было бы нелишним.

Еще одна проблема правового положения *due diligence* заключается в том, что ряд отечественных авторов приравнивают явление должной осмотрительности, которое закреплено в налоговом праве, и *due diligence*, которое гораздо шире первого¹⁴. Данные понятия необходимо различать, поскольку они находятся в разных правовых плоскостях и их применение (неприменение) влечет разные экономические и юридические последствия. Как известно, концепция должной осмотрительности появилась в 2006 г. и до настоящего времени напрямую связана с вопросом обоснованности получения налоговой

⁸ Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 20 июля 2017 г. № 10АП-8959/2017 по делу № А41-21587/14 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 26 мая 2016 г. № Ф04-1726/2016 по делу № А45-16394/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 16 апреля 2019 г. № 09АП-12324/2019-ГК, 09АП-12857/2019-ГК, 09АП-15882/2019-ГК по делу № А40-290420/18 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Томсинов А.В. Заверения об обстоятельствах и возмещение потерь в российском праве в сравнении с *representations, warranties and indemnity* в праве Англии и США // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Сегалова Е.А. Письмо о раскрытии информации в сделках слияний и поглощений // Юридический мир. 2015. № 10. С. 26–30.

¹³ Рачков И.В. Решения международных инвестиционных арбитражей по существу споров: обзор наиболее примечательных дел за 2014–2015 годы // Международное правосудие. 2017. № 4. С. 67–88.

¹⁴ Белоусова К.А. «Должная осмотрительность и осторожность» при выборе контрагента как оценочное понятие, не закрепленное нормой закона // Российский судья. 2017. № 4. С. 8–12; Шестакова Е. Указ. соч.; и др.

выгоды¹⁵. Должная осмотрительность — это тоже совокупность действий по проверке контрагента, как и *due diligence*. Однако если эти действия не произведены, а контрагент оказался недобросовестным или подозрительным (например, является массовым учредителем, фирмой-однодневкой, не учитывает отдельные операции), то лицо рискует не получить налоговый вычет либо получить дончисления по НДС¹⁶. Такое лицо упускает налоговую выгоду.

Неиспользование подхода *due diligence* может привести к гораздо более масштабным последствиям, что уже было продемонстрировано на примере судебной практики. На сегодняшний день происходит существенное ограничение понятия «должная осмотрительность» путем отнесения ее только к сфере налоговых правоотношений. Но в случаях, когда контрагент не проявил «внимательного отношения», последствия могут выйти далеко за рамки налогов.

Таким образом, подход *due diligence* так или иначе действительно является составной частью российской системы права. Это очень эффектив-

ный, действенный метод, который может защитить добросовестного участника правоотношений от наступления неблагоприятных последствий, особенно если будет возбужден спор в суде. Однако на сегодняшний день *due diligence*, во-первых, позиционируется, скорее, как некий набор рекомендаций для предпринимателей и инвесторов, а не как полноценный субинститут законодательства. Во-вторых, данный подход неумело используется на практике, вопрос его применения или неприменения порождает множество спорных ситуаций. И, в-третьих, происходит смешение понятий *due diligence* и должной осмотрительности в налоговом праве.

Мы убеждены, что сложившиеся правовые и экономические реалии имеют достаточную основу для закрепления *due diligence* в законодательстве и осознанного его применения на практике. Предлагаем регламентировать использование данного подхода для лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, с целью защиты их прав. Из всех формулировок уже существующее в налоговом праве понятие «должная осмотрительность» кажется наиболее семантически удачным для русскоязычной версии *due diligence*. Однако необходимо уточнить области их применения и описать конкретные правовые последствия. Например, предусмотреть рекомендацию применения данного метода в инвестиционных договорах, договорах купли-продажи акций, долей в уставном капитале хозяйственных обществ.

¹⁵ Постановление Пленума ВАС РФ от 12 октября 2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» // СПС «Консультант-Плюс».

¹⁶ Признаки «подозрительности» содержатся в нескольких подзаконных актах Министерства финансов РФ и ФНС, в частности, в Письме Минфина России от 17 декабря 2014 г. № 03-02-07/1/65228 // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Англо-русские термины гражданского и гражданского процессуального права / составитель С.Д. Оськина. Омск, 2003. 349 с.
2. Белоусова К.А. «Должная осмотрительность и осторожность» при выборе контрагента как оценочное понятие, не закрепленное нормой закона / К.А. Белоусова // Российский судья. 2017. № 4. С. 8–12.
3. Рачков И.В. Решения международных инвестиционных арбитражей по существу споров: обзор наиболее примечательных дел за 2014–2015 годы / И.В. Рачков // Международное правосудие. 2017. № 4. С. 67–88.
4. Сапко Н. Дью-дилидженс — какой бывает и что дает заказчику? / Н. Сапко. URL: <https://pravovest-audit.ru/nashi-statii-nalogi-i-buhuchet/dyu-dilidzhens-kakoy-byvaet-i-cto-daet-zakazchiku/> (дата обращения: 10.03.2020).
5. Сегалова Е.А. Письмо о раскрытии информации в сделках слияний и поглощений / Е.А. Сегалова // Юридический мир. 2015. № 10. С. 26–30.
6. Томсинов А.В. Заверения об обстоятельствах и возмещение потерь в российском праве в сравнении с *representations, warranties* и *indemnity* в праве Англии и США / А.В. Томсинов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 11. С. 91–111.
7. Шестакова Е. Модное слово или эффективная проверка. *Due diligence* производственного предприятия / Е. Шестакова // Финансовая газета. 2018. 5 февраля.
8. Шухарева А.В. Что нового в «новом» институте заверений об обстоятельствах при продаже бизнеса? / А.В. Шухарева // Российская юстиция. 2019. № 7. С. 2–5.

Конфискация и ее цели в современном уголовном праве

Кузнецов Дмитрий Алексеевич,
студент Санкт-Петербургского государственного
экономического университета (СПбГЭУ)
79818103325@yandex.ru

Наказание в уголовном праве предполагает достижение ряда целей применения, таких как: восстановление социальной справедливости, возмездие за содеянное, превентивная мера в отношении осужденного и третьих лиц¹. Средствами достижения целей наказания служат не только основные меры уголовно-правового воздействия, такие как лишение свободы или лишение классного чина или звания, но и иные меры уголовно-правового характера. Федеральным законом № 153 от 2006 г. в Уголовный кодекс РФ были внесены изменения: в качестве иной меры уголовно-правового характера была введена конфискация. Историческое возникновение конфискации представляется следующим образом.

А.А. Пропостин указывал на появление конфискации в пространной редакции Русской Правды, именованной «поток и разграбление (или поток и грабеж)»: в ст. 7 пространной правды есть указание на разграбление того, кто совершит убийство открыто, без ссоры или причины к тому. Целью является по-видимому, превентивная функция, дабы убийца разграбления и изгнания из верви страшился. Как указывает А.В. Коняев, из «потока и разграбления» впоследствии произошла смертная казнь². Закрепление конфискации в праве имело место в судебнике 1497 г.³: в большом количестве статей упоминается «статок», т.е. имущество «таятя» (вора) или иного лихого человека. А в ст. 39 судебника указывалось на конфискацию в пользу наместника или тиуна. В данном случае компенсация в виде «статка», то есть оставшегося имущества, служила как

восстановительной функцией конфискации для потерпевшего, так и являлась частью кормления суда. Далее, вплоть до изменений уголовного законодательства, внесенных Петром Первым, конфискация, особенно после Соборного уложения 1649 г., стала носить более карательно-устрашающий характер, также являясь наказанием и кормлением для суда.

Как указывает раннее упомянутый автор, до принятия Соборного уложения меры, понимаемой под конфискацией, не существовало⁴. Лишь при Екатерине Второй произошли существенные изменения: был введен институт специальной конфискации. В уложении 1845 г. конфискация остается наказанием, однако цель ее меняется с карательной на превентивную⁵. В Уголовном уложении 1903 г. конфискации не было (присутствовала только денежная пеня). В УК 1922 г. п. д. ст. 32 предусмотрена мера наказания в виде конфискации, цели ее были направлены на возмездие за совершенное деяние, однако в отдельных случаях судья мог решить, какой объем конфискации подлежал, следовательно, это дополнительная мера наказания. В УК 1926 г. в ст. 40–41 указывалось, что данная мера является дополнительным наказанием. В УК РСФСР⁶, в ст. 21 указывалась конфискация имущества как наказание, которое применялось как дополнительное. Однако понятие дополнительная мера наказания не то же самое, что и иная мера уголовно-правового характера. УК РСФСР конфискацию прямо относил к наказаниям, в то время как конфискация в УК РФ определена ч. 1 ст. 104.1 без формулировки понятия «Иная мера уголовно-правового характера».

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : принят 13 июля 1996 г. (в ред. от 25.04.2018 № 17-П) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Коняев А.В. Опыт законодательного регулирования конфискации имущества в уголовном праве России и его современные эффекты : монография. Барнаул : Барнаульский юридический ин-т МВД России, 2017. С. 9.

³ Пропостин А.А. Конфискация имущества: прошлое, настоящее, будущее. М. : Юрлитинформ, 2011. С. 3.

⁴ Коняев А.В. Указ. соч. С. 22.

⁵ Там же. С. 47.

⁶ Уголовный кодекс РСФСР : утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г. (ред. от 30.07.1996) // СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_2950/6759bfedc32138bf5a0a98cad33fcae944b79ceb/ (дата обращения: 06.04.2020).

Законодатель создает новый институт в уголовном праве России, но при этом не разделяет, как кажется автору, иные меры на две большие группы: влияющие на применение исполнения наказания и не влияющие на исполнение наказания, а равно прочие меры принудительного воздействия. Вкратце укажем на понятие иных мер уголовно-правового характера.

Т.В. Непомнящая в своей статье указывала на три подхода к определению иных мер уголовно-правового характера. Она же дает определение: «Таким образом, иные меры уголовно-правового характера — это предусмотренные в уголовном законодательстве меры, применяемые к лицам, совершившим преступления...». При определении мер уголовно-правового характера Т.В. Непомнящая указывала на использование широкого подхода, куда входит: 1) подсистема видов освобождения от уголовной ответственности; 2) подсистема видов наказаний; 3) подсистема видов освобождения от наказания; 4) подсистема видов освобождения от отбывания наказания; 5) подсистема видов замены не отбытой части наказания; 6) погашение или снятие судимости; 7) подсистема видов принудительных мер воспитательного характера; 8) подсистема видов принудительных мер медицинского характера; 9) конфискация имущества⁷.

Об узком подходе Т.В. Непомнящая указывала: «сторонники более «узкого подхода» — к иным мерам уголовно-правового характера относят всего несколько мер, в основном принудительные меры воспитательного воздействия, принудительные меры медицинского характера, конфискацию имущества»⁸.

В литературе существует также тезис о том, что иная мера уголовно-правового характера не может являться средством реализации уголовной ответственности вообще. Так, Д.В. Толков, проводя анализ признаков уголовной ответственности, приходит к выводу, что иные меры уголовно-правового характера не могут являться формами реализации уголовной ответственности, так как они не отвечают признакам, свойственным уголовной ответственности⁹. Аналогичной позиции придерживается и В.М. Степашин¹⁰.

⁷ Непомнящая Т.В. Иные меры уголовно-правового характера: понятие, юридическая природа, система // Правоприменение. 2017. № 1. С. 114–121.

⁸ Там же. С. 118.

⁹ Толков Д.В. Иные меры уголовно-правового характера и уголовная ответственность // Северокавказский юридический вестник. 2010. № 2. С. 76–80.

¹⁰ Степашин В.М. Иные меры уголовно-правового характера // Вестник Омского университета. 2009. № 1. С. 169–171.

Прежде всего необходимо указать на две основные позиции в понимании конфискации в отечественном уголовном праве: позиция историко-правовая — представляет конфискацию как дополнительное наказание (или как наказание вообще, такой позиции придерживается Д.Б. Лаптев¹¹), основываясь на историческом развитии данного института, описанном выше. Вторая же позиция представляет конфискацию как иную меру: ее выразил законодатель. Данная позиция основывается на тезисе о том, что с помощью конфискации можно добиться восстановления социальной справедливости, прав потерпевшего, а также возвращения вещей и иного имущества, изъятого из фондов собственника в ходе деяния, существовавшего до совершения деяния правопорядка. Однако автор разделяет позицию Э.В. Мартыненко¹², который указывал на тот факт, что законодатель объединил три вида конфискации в ст. 104.1: конфискацию как наказание, как иную меру и как процессуальный институт специальной конфискации из УПК. Это само по себе создает проблемы в осмыслении данного института. Д.М. Ямбаева¹³ выделяет аргументы сторон в споре о принадлежности конфискации к иной мере или наказанию: сторонники конфискации как иной меры указывают на то, что как наказание, конфискация приводит к существенным материальным трудностям осужденного, умаляет цели наказания, нарушает принцип справедливости наказания, может привести к росту коррупции среди судебных приставов. Противники же данной точки зрения приводят следующие аргументы. Во-первых, карательно-репрессивный характер уголовно-правовых мер несравненно меньше, нежели уголовных наказаний. Во-вторых, в отличие от принудительных мер медицинского характера, законодатель умолчал о целях конфискации имущества. В-третьих, формулировка понятия конфискации имущества не претерпела существенного изменения. В-четвертых, исследования ученых в области сравнительного правоведения показывают, что институт уголовно-правовой конфискации имущества в большинстве стран рассматривается исключительно как дополнительный вид наказания. Кроме того, в пользу понятия конфискации как иной меры уголовно-правового характера говорит и усмотрение некоторыми авторами специальных

¹¹ Лаптев Д.Б. Возможная интерпретация расширенной конфискации имущества в уголовном праве России // Российский судья. 2018. № 8. С. 41–43.

¹² Мартыненко Э.В. Конфискация имущества в действующем российском уголовном праве. М.: Юрлитинформ, 2011. С. 82.

¹³ Ямбаева Д.М. Конфискация имущества в уголовном законодательстве РФ // Вектор науки ТГУ. 2010. № 2. С. 191–192.

признаков конфискации: так, конфискация не есть самостоятельная форма наказания и не альтернатива наказанию, сочетаема с основными и дополнительными наказаниями, может назначаться с другими мерами уголовно-правового характера, может ограничивать имущественные права осужденного¹⁴. Для более определенного понимания данных позиций обратимся к целям наказания и иных мер вообще.

О значении и цели конфискации на данный момент как вида иной меры уголовно-правового характера можем сослаться на Д.А. Безбородова¹⁵: данный автор определял двойственность природы целей конфискации в виде карательного воздействия и превентивного, с целью предотвращения деяний. Впрочем, автор не согласен с данной точкой зрения в полной мере. На наш взгляд, цели применения конфискации и собственно то, что побудило законодателя выделить данный вид наказания в иную меру, следующие: предотвращение совершения преступлений (специальная конфискации), восстановление социальной справедливости и порядка, существовавшего до совершения преступления (наказание), восстановление прав потерпевшего и возвращение в фонды собственника имущества, утраченного в результате деяния (иная мера ст. 104.2 и ст. 104.3 УК выполняют функции восстановления прав потерпевшего и возмещения вреда, причиненного деянием (являясь иной мерой). Необходимо разделять данные цели и виды конфискации, чего законодатель не сделал. В связи с этим обратимся ко второй точке зрения: конфискация как дополнительное наказание. С.В. Землюков прямо выделял две принципиально разные по своему назначению формы (более похоже на задачи), что касается и конфискации как в уголовном праве, так и в процессе: конфискация ценностей и денег, конфискация предметов преступления. Первые позволяют лишить преступника незаконно нажитого, вторые — предотвратить совершение новых преступлений¹⁶.

Для более точного понимания значения целей основного и дополнительного наказания следует

сослаться на Э.В. Мартыненко¹⁷, который приводил три точки зрения на цели применения дополнительного наказания: первая состоит в том, что дополнительное усиливает карательное содержание основного, вторая — что дополнительное необходимо для перевоспитания осужденного, третья, сторонником которой является автор: дополнительная мера есть вспомогательное средство, облегчающее цели наказания. Если развить третью точку зрения, то получится, что конфискация может служить заменой лишения свободы, средством доводки и индивидуализации наказания, а также позволит уменьшить число осужденных, содержащихся в местах лишения свободы. Однако не все столь однозначно: необходимо рассмотреть конфискацию в рамках уголовного процесса.

Статья 81 УПК говорит о конфискации имущества, а если быть точным, вещественных доказательств. Статья 115: это специальная конфискация, указанная в том числе и в ст. 104.1 ч. 2 и 3 УК, указывает на наложение ареста на имущество. Данные нормы законодательства служат цели предотвращения новых деяний, изъятию из оборота недопустимых к тому объектов, восстановлению прав потерпевшего, возмещению реального ущерба.

Таким образом, мы можем видеть, что законодатель, хотя и не разделяет все три института на отдельные в полной мере, однако склоняется к пониманию конфискации как иной меры, с целью восстановления прав потерпевшего, социальной справедливости, возмещения государству убытков, причиненных в ходе деяния, возмещения убытков от совершенного деяния и превентивной меры. Однако для достижения данных целей необходимо внесение в ст. 2 УК дополнительных целей уголовного закона, таких как: восстановление ущерба, причиненного деянием за счет деятеля, а равно возврат изъятых в ходе деяния из фондов собственника деятелем, «гибкость» уголовного закона (возможность создания судом, по собственному убеждению, наказания для подсудимого из ряда видов наказаний и иных мер, направленных на достижение целей уголовного закона для предотвращения лишения свободы в возможных случаях).

Важным и отдельным аспектом применения конфискации является назначение и правила применения конфискации имущества. Так, А.А. Пропостин¹⁸

¹⁴ Филиппова О.В. Уголовно-правовое регулирование конфискации имущества в современной России // Мониторинг правоприменения. 2013. № 4. С. 29–38.

¹⁵ Безбородов Д.А., Зарубин А.В. Иные меры уголовно-правового характера: понятие, признаки и виды. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (фил.) Акад. Генеральной прокуратуры РФ, 2015. С. 55.

¹⁶ Землюков С.В. Институт конфискации требует совершенствования // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 3. С. 76–79.

¹⁷ Мартыненко Э.В. Указ. соч. С. 82.

¹⁸ Пропостин А.А. Конфискация имущества: прошлое, настоящее, будущее. М. : Юрлитинформ, 2011. С. 177.

указывал на ряд проблем в этом вопросе. Во-первых, не ясно, что есть назначение конфискации для суда — право или обязанность? Логическое толкование УК, мнение ряда авторитетных специалистов, а также постановление пленума ВС РФ¹⁹ прямо указывают на обязанность судьи по назначении конфискации при необходимости таковой. Второй проблемой являются правила назначения и индивидуализации конфискации. При этом если нет необходимости определять правила назначения конфискации, то нет надобности и в индивидуализации, с чем автор вынужден не согласиться. Исходя из принципа индивидуальности назначения наказания, необходимо сохранять индивидуальный подход в большинстве вопросов, связанных с применением наказаний и иных мер. Правила же, по сути, отсутствуют, и это является существенной проблемой для уголовного права.

Автор должен изложить и противоположную точку зрения на возникшую проблему: А.В. Коняев²⁰ утверждал, что конфискация не отвечает требованиям современного законодательства как иная мера, а является дополнительным наказанием. Обосновывается данная точка зрения, на наш взгляд, тем, что конфискация в виде наказания может быть более эффективной при предусмотрении ее в виде дополнительного наказания для ряда составов или предусмотрении в качестве основного наказания в исключительных случаях с передачей права суду самостоятельно решать, чем может являться конфискация в данном конкретном случае.

Вкратце скажем несколько слов и о судебной практике. При анализе приговоров наблюдалась следующая тенденция. Так, суд достаточно часто прибегает к конфискации незначительных сумм денежных средств и орудий преступления. В приговорах, связанных с составами преступлений, направленных на сбыт, хранение и распространение наркотических средств, преобладает конфискация превентивного характера, вместе с конфискацией запрещенных веществ. Так, по приговору суда № 1-389/2019 от 29 июля 2019 г. по делу № 1-389/2019²¹ были конфискованы 44 полимерных пакета, одна сим-карта и одна платежная карта. Наркотические вещества предписывалось

после вынесения окончательного решения уничтожить, полимерные пакеты также уничтожить, прочие вещи вернуть владельцу. В другом приговоре наблюдается та же картина: конфискуются наркотические вещества, прочее имущество (телефон) постановляется вернуть владельцу²². Та же картина и в других приговорах, связанных со сбытом или оборотом наркотических веществ (например, Приговор № 1-563/2019²³ от 4 июля 2019 г. по делу № 1-563/2019: были конфискованы наркотические вещества, весы электронные, трубка для курения, изолента (в количестве 7 шт.), пакетики (в количестве 65 шт.) и уничтожены, возвращен мобильный телефон), конфискация применяется в целях предотвращения преступления.

Однако по количеству конфискуемого встречаются и более крупные суммы. Так, в приговоре № 1-666/2019²⁴ от 11 июля 2019 г. по делу № 1-666/2019 предусмотрена конфискация денежных средств в размере 25 тысяч рублей, прочие вещественные доказательств постановлено хранить при уголовном деле.

В рамках другого приговора был конфискован автомобиль марки ГАЗ, имущество погибшего постановлено уничтожить²⁵. По другому приговору № 1-74/2019 от 30 мая 2019 г. по делу № 1-74/2019²⁶ конфискуются принадлежности для ведения незаконных азартных игр (стол для игры в покер, карты и прочие предметы) вместе с ними телефоны и ноутбук, которые постановлено вернуть владельцу, денежные средства в размере 134 тыс. рублей постановлено конфисковать в доход государства.

Как мы можем видеть, большинство приговоров предусматривает конфискацию предметов преступления и носит превентивный характер (пример²⁷: по приговору были конфискованы наркотические вещества и уничтожены, вместе с ними конфисковали и уничтожили весы и пакетики со следами

¹⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» от 16 октября 2009 г. № 19. // Бюллетень ВС РФ. 2009. № 12.

²⁰ Коняев А.В. Указ. соч. С. 112.

²¹ Приговор № 1-389/2019 от 29 июля 2019 г. по делу № 1-389/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RXWXzeW6bRol/>=1582648902885

²² Приговор № 1-555/2019 от 18 июля 2019 г. по делу № 1-555/2019. URL: https://sudact.ru/regular/doc/FsCZ7V2nGrrR/?regular-txt=®ular-case_doc==1582648902885

²³ Приговор № 1-563/2019 от 4 июля 2019 г. по делу № 1-563/2019. URL: https://sudact.ru/regular/doc/rfi9jizjlvHv/?regular-txt=®ular-case_doc==1582648902885

²⁴ Приговор № 1-666/2019 от 11 июля 2019 г. по делу № 1-666/2019. URL: https://sudact.ru/regular/doc/wG2JmK3ysl6p/?regular-txt=®ular-case_doc=1582648902885

²⁵ Приговор № 2-39/2019 от 21 июня 2019 г. по делу № 2-39/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/=1582648902885>

²⁶ Приговор № 1-74/2019 от 30 мая 2019 г. по делу № 1-74/2019. URL: https://sudact.ru/regular/doc/PwM5U3ABD5YR/?regular-txt=®ular-case_doc=1582648902885

²⁷ Приговор № 1-141/2019 от 21 февраля 2019 г. по делу № 1-141/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/C2oW70CiMB6h/?regular-txt=1582648902885>

наркотических веществ), при этом конфискация денежных средств может иметь совершенно различные масштабы: от достаточно незначительных сумм до весьма немалых (так, по приговору были конфискованы в доход государства 193 501 норвежская крона)²⁸. Чаще всего конфискуются, помимо предметов преступления, денежные средства, и нередко конфискуются мобильные телефоны и ноутбуки (приговор № 1-55/2019 1-662/2018 от 12 февраля 2019 г. по делу № 1-55/2019)²⁹. Вместе с тем существуют приговоры, в которых конфискуется весьма незначительная сумма денежных средств, что делает не совсем понятной цель совершения конфискации в таком случае (приговором № 1-29/2019 1-336/2018 от 12 февраля 2019 г.

по делу № 1-29/2019³⁰ были конфискованы в доход государства 1200 рублей).

Резюмируя все сказанное выше, приходим к выводу о том, что нет единой позиции по вопросу применения конфискации в уголовном праве. Вне зависимости от итогового решения по вопросу применения конфискации, необходимо внести в цели УК упомянутые выше изменения. В случае восстановления конфискации как наказания считаем возможным изложить ч. 1 и 3 ст. 52 УК РФ так: «Конфискация — принудительное изъятие всего имущества или части имущества осужденного с целью восстановления порядка, существовавшего до совершения деяния, возмещения ущерба, понесенного потерпевшим, а равно государством в связи с совершением деяния, а равно изъятия предметов, запрещенных к обороту (за исключением расходов на правосудие и следствие)».

²⁸ Приговор № 1-419/2019 от 13 мая 2019 г. по делу № 1-419/2019. URL: https://sudact.ru/regular/doc/tuuVURjWMqVu/?regular-txt=®ular-case_doc=1582648902885

²⁹ Приговор № 1-55/2019 1-662/2018 от 12 февраля 2019 г. по делу № 1-55/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/DOuBp7saxJ8/?regular-txt=1582648902885>

³⁰ Приговор № 1-29/2019 1-336/2018 от 12 февраля 2019 г. по делу № 1-29/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/MzYrwALcerUP/?regular-txt=1582648902885>

Литература

1. Безбородов Д.А. Иные меры уголовно-правового характера: понятие, признаки и виды : учебное пособие / Д.А. Безбородов, А.В. Зарубин. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (фил.) Акад. Генеральной прокуратуры РФ, 2015. 79 с.
2. Землюков С.В. Институт конфискации требует совершенствования / С.В. Землюков // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 3. С. 76–79.
3. Коняев А.В. Опыт законодательного регулирования конфискации имущества в уголовном праве России и его современные эффекты : монография / А.В. Коняев. Барнаул : Барнаульский юридический ин-т МВД России, 2017. 135 с.
4. Лаптев Д.Б. Возможная интерпретация расширенной конфискации имущества в уголовном праве России / Д.Б. Лаптев // Российский судья. 2018. № 8. С. 41–43.
5. Мартыненко Э.В. Конфискация имущества в действующем российском уголовном праве : монография / Э.В. Мартыненко. Москва : Юрлитинформ, 2011. 147 с.
6. Непомнящая Т.В. Иные меры уголовно-правового характера: понятие, юридическая природа, система / Т.В. Непомнящая // Правоприменение. 2017. Т. 1. № 1. С. 114–121.
7. Пропостин А.А. Конфискация имущества: прошлое, настоящее, будущее / А.А. Пропостин. Москва : Юрлитинформ, 2011. 262 с.
8. Степашин В.М. Иные меры уголовно-правового характера / В.М. Степашин // Вестник Омского университета. 2009. № 1. С. 169–171.
9. Толков Д.В. Иные меры уголовно-правового характера и уголовная ответственность / Д.В. Толков // Северокавказский юридический вестник. 2010. № 2. С. 76–80.
10. Филиппова О.В. Уголовно-правовое регулирование конфискации имущества в современной России / О.В. Филиппова // Мониторинг правоприменения. 2013. № 4. С. 29–38.
11. Ямбаева Д.М. Конфискация имущества в уголовном законодательстве РФ / Д.М. Ямбаева // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 2. С. 191–192.

К вопросу о сроке представления возражений (отзыва) ответчиком

Шерникова Дарья Андреевна,

ведущий специалист сектора правовой и административной работы администрации муниципального образования Богородицкого района
dashashernikova@gmail.com

Каждому участнику судебного разбирательства предоставляется возможность эффективно представлять свое дело в суде, а также находиться в равном положении по отношению к противоположной стороне. В связи с этим ответчик не может быть поставлен в заведомо неблагоприятное для себя положение по отношению к истцу. Одним из способов поддержания баланса равного положения сторон в гражданском судопроизводстве является предоставление различных средств защиты интересов ответчику, к которым относятся и его возражения.

Возражения ответчиком могут быть заявлены как в устной, так и в письменной форме. Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации¹ (далее — АПК РФ) предусмотрена особая форма заявления возражений — отзыв на исковое заявление, который представляет собой направляемый в арбитражный суд письменный документ, содержащий как материально-правовые, так и процессуальные возражения ответчика.

Конкретных обязательных условий, предъявляемых к письменной форме заявления возражений, гражданское процессуальное законодательство не содержит, в то время как ч. 5 ст. 131 АПК РФ предусмотрены требования к отзыву на исковое заявление.

В соответствии с ч. 2 ст. 149 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации² (далее — ГПК РФ) ответчик в предварительном судебном заседании предоставляет истцу или его представителю и суду возражения в письменной форме относительно исковых требований, а также обосновывающие позицию, изложенную в возражениях, доказательства.

Составленные ответчиком возражения на исковое заявление в письменной форме должны быть вручены истцу для того, чтобы он имел возможность подготовить свои объяснения по доводам ответчика, а также представить дополнительные доказательства.

Нормами ГПК РФ конкретный срок представления возражений ответчиком не предусмотрен. При заявлении возражений имеет значение, присутствовал ли ответчик в процессе подготовки дела к судебному заседанию и был ли он уведомлен о дате судебного заседания. Исходя из этого, делается вывод о том, что

ответчик обладал возможностью заблаговременно подготовить возражения и представить их в судебное заседание.

Согласно точке зрения Н.И. Клейн, время представления возражений в суд не ограничено конкретным сроком, вследствие этого они могут быть заявлены ответчиком в любое время процесса³. Также ученым отмечается, что некоторые виды возражений могут быть использованы ответчиком и позднее, например, при подаче кассационной жалобы.

Иной позиции придерживается И.С. Комаров. Он полагает, что возражения ответчика против иска могут быть как ограниченными по сроку (срочными), так и не ограниченными (бессрочными). В действующем российском процессуальном законодательстве представлены оба вида возражений⁴. Так, в соответствии с п. 5, 6 ч. 1 ст. 148 АПК РФ, абз. 6 ст. 222 ГПК РФ возражения о неподведомственности спора государственному суду в связи с наличием соглашения сторон о передаче рассмотрения дела в третейский суд могут быть заявлены лишь в установленный законом срок.

Положения ст. 148 АПК РФ и ст. 222 ГПК РФ можно рассматривать в качестве одного из оснований заявления ответчиком процессуальных возражений. Соответственно, лицо, ссылаясь в своих возражениях или отзыве на неподведомственность спора государственному суду в связи с наличием соглашения сторон о передаче рассмотрения дела в третейский суд, должно их представить в срок, предусмотренный процессуальным законодательством.

Следовательно, категорично говорить о том, что направление ответчиком письменных возражений в суд и лицам, участвующим в деле, не ограничено сроком, нельзя, и поэтому указанная точка зрения представляется правильной.

На практике срок представления возражений (отзыва) как средств защиты интересов ответчика трактуется судами по-разному.

Так, например, в определении Владимирского областного суда от 14 января 2014 г. по делу № 33-65/2014⁵ указывается, что доводы об отсутствии возможности представить свои возражения относительно исковых

¹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 26.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.10.2019) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. №138-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

³ Клейн Н.И. Встречный иск в суде и арбитраже. М.: Статут, 2017. С. 44.

⁴ Комаров И.С. Защита ответчика против иска в гражданском и арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург: УрГЮА, 2012. С. 167–168.

⁵ СПС «КонсультантПлюс».

требований в судебное заседание в связи со срочной командировкой в день судебного заседания отклоняются судебной коллегией, поскольку ответчик присутствовал при подготовке дела к судебному разбирательству и был уведомлен о дате судебного заседания, в связи с чем не был лишен возможности заблаговременно письменно заявить о своих возражениях относительно исковых требований и ходатайство о назначении экспертизы. Кроме того, А.М.А. не представлены доказательства, что о командировке ему не было известно заранее, а также о невозможности в день судебного заседания до его начала воспользоваться доступными средствами связи с целью сообщить об уважительности причин своей неявки в судебное заседание в связи с командировкой и ходатайствовать об отложении дела на более поздний срок.

Стоит обратить внимание, что представление возражений, согласно позиции некоторых судов, является правом ответчика, а не его обязанностью. Например, в определении Приморского краевого суда от 25 марта 2015 г. по делу № 33-2387/2015⁶, в частности, указано, что доводы апелляционной жалобы со ссылками на нарушение в ходе подготовки дела к судебному разбирательству в суде первой инстанции п. 2 ч. 2 ст. 149 ГПК РФ, согласно которой при подготовке дела к судебному разбирательству ответчик или его представитель представляет истцу или его представителю и суду возражения в письменной форме относительно исковых требований, подлежат отклонению судебной коллегией, поскольку представление возражений относительно заявленных требований именно в письменном виде, по мнению судебной коллегии, является правом стороны ответчика, а не обязанностью, срок представления возражений данным Кодексом не установлен. Непредставление возражений на иск не является основанием для отложения судебного заседания.

Федеральным законом от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁷ ч. 3 ст. 56 ГПК РФ дополнена нормой, устанавливающей, что лица, участвующие в деле, должны раскрыть доказательства, на которые они ссылаются как на основание своих требований и возражений, в пределах установленного судом срока. Возражения, будучи разновидностью объяснений ответчика, являются доказательствами, но лишь в той части, где содержатся сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела.

Соответственно, рассматривая возражения в качестве разновидности доказательств, можно прийти к выводу о том, что в целях соблюдения требований гражданского процессуального законодательства о раскрытии доказательств они должны быть представлены ответчиком в установленный судом срок.

Вместе с тем ст. 131 АПК РФ закреплена именно обязанность ответчика направить или представить суду

и лицам, участвующим в деле, отзыв на исковое заявление с указанием возражений относительно предъявленных к нему требований по каждому доводу, содержащемуся в исковом заявлении в срок, установленный судом. В случае непредставления отзыва ответчиком арбитражный суд вправе рассмотреть дело по имеющимся в деле доказательствам или при невозможности рассмотреть дело без отзыва вправе установить новый срок для его представления. В качестве санкции за ненаправление отзыва арбитражный суд может отнести на ответчика судебные расходы независимо от результатов рассмотрения дела в соответствии с ч. 2 ст. 111 АПК РФ.

В соответствии со ст. 156 АПК РФ непредставление отзыва на исковое заявление или дополнительных доказательств, которые арбитражный суд предложил представить лицам, участвующим в деле, не является препятствием к рассмотрению дела по имеющимся в деле доказательствам.

Таким образом, АПК РФ не устанавливает конкретный срок представления отзыва, указывая лишь, что этот срок должен обеспечивать возможность ознакомления с ним до начала судебного заседания. Остается не совсем понятным, что представляет собой срок, «обеспечивающий возможность ознакомления с отзывом до начала судебного заседания». Одни арбитражные суды в определениях о принятии к производству искового заявления и о подготовке дела к судебному разбирательству указывают, за сколько дней до проведения слушания необходимо направить отзыв, другие постановляют так: «заблаговременно направить отзыв», «в срок, обеспечивающий возможность ознакомления с отзывом до начала судебного заседания».

Проанализировав материалы судебной практики арбитражных судов⁸, можно сделать вывод о том, что отзыв, представленный несвоевременно, непосредственно в день судебного заседания, часто не принимается судом.

Так, согласно постановлению Федерального Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 1 марта 2010 г. по делу № А43-32047/2009⁹, Инспекция не обеспечила суду возможность ознакомиться с отзывом до начала судебного заседания, поскольку отзыв был представлен в канцелярию Арбитражного суда Нижегородской области

⁸ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 12 ноября 2019 г. по делу № ф03-5160/2019 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 26 декабря 2017 г. по делу № ф03-4788/2017 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Московского округа от 2 октября 2019 г. по делу № А40-256643/2018 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Московского округа от 27 февраля 2019 г. по делу № А40-114766/17 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 23 января 2019 г. № Ф09-9009/18 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Тринадцатого Арбитражного апелляционного суда по делу № А07-1886/2018 от 20 августа 2019 г. № 13АП-19052/2019 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление от 8 ноября 2018 г. № 17АП-16251/2018-ГК по делу № А56-17531/2019; постановление Федерального Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 1 марта 2010 г. по делу № А43-32047/2009 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 12 ноября 2019 г. № ф03-5160/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ СПС «КонсультантПлюс».

⁶ СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ (ред. от 17.10.2019) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 49 (часть I). Ст. 7523.

в день судебного разбирательства. Кроме того, вопреки требованиям ч. 3 ст. 131 АПК РФ, ответчик не представил доказательств направления отзыва лицам, участвующим в деле, по почте заказным письмом с уведомлением о вручении. На отзыве имеется отметка судьи о получении им документа после судебного заседания.

С другой стороны, иногда сами суды допускают ошибки, лишая ответчика возможности возражать против иска. Например, в апелляционном определении Санкт-Петербургского городского суда от 27 ноября 2018 г. № 33-19380/2018¹⁰ указывается, что, предложив ответчику в определении о принятии искового заявления к производству суда, о подготовке дела к судебному разбирательству, о назначении дела к судебному разбирательству представить в суд возражения в письменной форме по существу заявления и доказательства в подтверждение возражений на иск, суд не назначил время и место такой подготовки, а также не направил копию указанного определения в адрес ответчика, что явно следует из вложений, находящихся в невостробованном судебном почтовом отправлении. В связи с чем суд нарушил принцип состязательности гражданского процесса, лишив ответчика возможности представлять свои возражения на иск и доказательства в обоснование таких возражений.

Направление отзыва является одним из способов реализации процессуальных прав, предоставленных участникам арбитражного процесса. В данном случае — принципа состязательности, действие которого заключается в том числе в обмене документами и раскрытии информации.

Отзыв на иск представляет собой документ, в котором ответчик указывает свои возражения материально-правового и (или) процессуального характера относительно заявленных требований. Таким образом, отзыв позволяет ответчику реализовать свои процессуальные права.

Таким образом, от того, в какой срок ответчиком будет направлен отзыв, зависит, будет ли он изучен судом и учтен при вынесении решения по существу спора. Согласно рассмотренным выше материалам практики арбитражных судов, отзыв, представленный за день до судебного заседания или непосредственно в судебном заседании, не принимается судом.

По мнению Ю.В. Денисенко, основное предназначение отзыва на исковое заявление состоит в обеспечении сторонам реальной возможности ознакомления с возражениями и доказательствами друг друга в срок, который позволяет должным образом подготовиться

к рассмотрению дела по существу, взвесить позиции, рассмотреть вопрос о целесообразности мирного урегулирования спора, а также отказа от иска или его признания¹¹. Данный автор указывает, что осуществление судом контроля за действиями лиц, участвующих в деле, возможно также путем определения сроков для их совершения, в том числе сроков исполнения процессуальных обязанностей, включая обязанность по направлению отзыва на иск.

Так, в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 июня 2012 г. № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» (далее — постановление ПВС РФ № 13)¹² указывается, что разумный срок для представления возражений на апелляционную жалобу определяется с учетом времени, необходимого на отправку и доставку почтовой корреспонденции, территориальной удаленности от суда места жительства или места нахождения лиц, участвующих в деле, объема апелляционных жалобы, представления, сложности дела и т.п.

Представляется, что данное толкование разумности срока можно применить также и к сроку направления письменных возражений и отзыва на исковое заявление.

Точное определение даты, до наступления которой необходимо направить возражения или отзыв в суд, оказывает существенное влияние на эффективность защиты интересов ответчика. В то же время в целях исключения злоупотребления ответчиком предоставленными правами и затягивания рассмотрения гражданского дела по существу представляется правильным в определениях о принятии иска к производству и подготовке дела к судебному разбирательству вместо формулировки «заблаговременно направить отзыв» указывать, за сколько дней до судебного заседания необходимо представить возражения или отзыв в суд и лицам, участвующим в деле.

В связи с этим полагаем необходимым применять толкование правила разумности срока представления возражений, указанное в постановлении ПВС РФ № 13, в отношении сроков направления письменных возражений ответчика и отзыва на исковое заявление.

¹¹ Денисенко Ю.В. Отзыв на исковое заявление в современном арбитражном процессе // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 2. С. 108–125.

¹² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 июня 2012 г. № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Российская газета. 2012. 29 июня.

¹⁰ СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Денисенко Ю.В. Отзыв на исковое заявление в современном арбитражном процессе / Ю.В. Денисенко // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 2. С. 108–125.
2. Клейн Н.И. Встречный иск в суде и арбитраже / Н.И. Клейн. Москва : Статут, 2017. 366 с.
3. Комаров И.С. Защита ответчика против иска в гражданском и арбитражном процессе : диссертация кандидата юридических наук / И.С. Комаров. Екатеринбург, 2012. 221 с.

К вопросу о разграничении финансовых институтов рынка ценных бумаг и инструментов, применяемых в азартных играх

Демидов Дмитрий Геннадьевич,
доцент кафедры правоведения
Северо-Западного института управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
адвокат Спасской коллегии адвокатов Санкт-Петербурга,
член Адвокатской палаты Санкт-Петербурга,
кандидат юридических наук, доцент
dimitrydemidow@gmail.com

Машаров Евгений Иванович,
руководитель Ассоциации форекс-дилеров,
член Консультативного совета при Председателе
Комитета Государственной Думы по финансовому рынку,
кандидат юридических наук
evgeny.masharov@gmail.com

Изменения российского законодательства в области организации и проведения азартных игр привели к жесткому регулированию данной сферы общественных отношений. На сегодняшний день следует констатировать, что сфера азартных игр взята государством под полный контроль. Не давая качественной оценки данному явлению, вероятно, нужно указать и на то, что непроработанность нормативных положений Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 244)¹ привели к невозможности создания выделенных в законодательстве игорных зон за редким исключением. Вместе с тем дополнительное регулирование законодателем продолжается в направлении ужесточения административной и уголовной ответственности в данной сфере, отнесения новых инструментов к сфере азартных игр.

Одним из примеров «нового» законотворчества явился законопроект № 501874-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» и отдельные законодательные акты Российской Федерации», внесенный Правительством Российской Федерации (далее — Законопроект²).

В пояснительной записке к законопроекту отмечалось, что «предлагаемые изменения направлены на предотвращение незаконной деятельности по организации и проведению азартных игр под видом осуществления профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг, а также под видом осуществления деятельности букмекеров и тотализаторов»³. Логика законопроекта (в его первой части) предусматривает, что лица, осуществляющие деятельность на рынке ценных бумаг в качестве профессиональных участников, наделяются дополнительной ответственностью в случае наличия состава правонарушения за незаконные организацию и (или) проведение азартных игр, за нарушение законодательства о лотереях. Данный вид ответственности предусмотрен в ст. 1 Законопроекта как основание для аннулирования или приостановления лицензии соответствующих участников профессионального рынка.

Отметим, что с внесением изменений в ст. 39.1 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ

ности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 52 (часть I). Ст. 7813.

³ Паспорт проекта Федерального закона № 501874-7 «О внесении изменений в статьи 6.1 и 39.1 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» и Федеральный закон «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (в части предотвращения незаконных организации и проведения азартных игр и лотерей под видом осуществления профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг) // СПС «КонсультантПлюс».

¹ СЗ РФ. 2007. № 1 (1 ч.). Ст. 7.

² В настоящий момент законопроект стал Федеральным законом от 27 декабря 2019 г. № 495-ФЗ «О внесении изменений в статьи 6.1 и 39.1 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» и Федеральный закон «О государственном регулировании деятель-

«О рынке ценных бумаг» (далее — Федеральный закон № 39)⁴ количество оснований для возможного аннулирования и приостановления действия лицензии на осуществление профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг увеличилось до пятнадцати. При этом следует указать на высокую степень дискреционности формулировки п. 1 ст. 39.1 Федерального закона № 39: «может быть аннулирована». Представляется, что очередное наделение полномочиями мегарегулятора с действующей формулировкой усиливает его правовой статус без соответствующих оснований. В пояснительной записке к Законопроекту отсутствуют пояснения, почему именно участники рынка ценных бумаг становятся особым субъектом ответственности. Например, никакого отдельного положения об аннулировании лицензий участников рынка ценных бумаг при нарушении налогового законодательства в указанной статье нет, хотя налоговых правонарушений совершается гораздо больше, чем правонарушений в сфере азартных игр или организации лотерей.

При внесении Законопроекта в Государственную Думу РФ не совсем удачной являлась предложенная в законопроекте формулировка дополнения ст. 5 Федерального закона № 244 частью 7 с расширением перечня деятельности по организации и проведению азартных игр, который был существенно расширен, причем настолько, что под указанную деятельность в буквальном смысле чуть не попала деятельность некоторых участников рынка ценных бумаг, например таких как форекс-дилеры⁵. Вместе с тем ко второму чтению необходимые поправки в Законопроект были внесены, и вступивший в силу Федеральный закон содержит дополнения к ст. 5 с большей правовой определенностью.

Приведенная небольшая характеристика законопроекта, ставшего впоследствии законом, на наш взгляд, демонстрирует излишнюю степень стремления к избыточному регулированию вопросов, связанных с организацией азартных игр и лотерей, которое приводит к опасному сближению понятий легальных финансовых институтов и участников рынка ценных бумаг с нелегальными проявлениями организации и проведения азартных игр и лотерей. Следует также указать и на то, что зачастую законодатель и мегарегулятор необоснованно подходят к правовому регулированию вопросов, связанных с новыми финансовыми институтами и площадками, с точки зрения институционального смещения таких относительно новых для правовой практики инструментов как инструменты форекс-рынка, криптовалюты и др.

Вероятно, здесь следует отметить и не совсем удачный опыт регулирования организации и проведения азартных игр, который впоследствии привел к необоснованному взгляду на игровой бизнес в целом.

Непроработанность федеральной реформы организации и проведения азартных игр, принятой в 2009 г., привела к всплеску преступности в данной сфере⁶, при этом легальные участники рынка азартных игр длительное время не могли реализовать свои новые права. В связи с этим игорные зоны, предусмотренные Федеральным законом № 244, долгое время не появлялись⁷. При этом законодатель планомерно в течение длительного времени продолжает корректировать законодательную базу в сфере организации и проведения азартных игр, включая в перечень азартных игр новые финансовые механизмы, которые не вполне корректно относить к указанной индустрии.

Запретительная нормативно-правовая политика российского законодателя приводит к обратному эффекту, количество нелегальных игроков на рынке финансовых услуг становится сопоставимым с количеством нелегальных интернет-площадок азартных игр и лотерей. При этом курс на ужесточение правовой политики в данной сфере продолжается и, к сожалению, в большей степени сказывается на добропорядочных участниках рынка ценных бумаг и самих гражданах, которые перестают различать легальных участников рынка от нелегальных. Следует указать и на то, что усложнение законодательных норм ведет к искаженному правоприменению, опять же отрицательно отражающемуся на легальных участниках рынка. Например, непонятно, на какой правовой статистике основано предположение о том, что участники рынка ценных бумаг становятся организаторами азартных игр. Таких подтверждений нет в сопроводительных документах к проанализированному выше законопроекту. Также не вполне ясно, как сотрудники правоохранительных органов без специального обучения в финансовой сфере будут применять нормы принятого Федерального закона № 495-ФЗ для соответствующей квалификации преступлений, а без такого обучения применение указанных норм может негативно повлиять именно на добросовестных участников рынка финансовых услуг.

Стремление законодателя к усилению нормативного регулирования всегда должно сопоставляться со взвешенной оценкой такого регулирования, его последствиями и критериями целесообразности. Подобную позицию неоднократно высказывал и Конституционный Суд Российской Федерации, давая толкование ч. 3 ст. 55 Конституции РФ в отношении принципа соразмерного ограничения прав и свобод, который подразумевает, что публичные интересы

⁴ СЗ РФ. № 17. 1996. Ст. 1918.

⁵ Оговорка в первой редакции законопроекта была в отношении форекс-дилеров и организационных торгов, но с точки зрения юридической техники прописанная оговорка не защищала добросовестных участников рынка ценных бумаг от ошибочного толкования.

⁶ См., например: Состояние преступности в России. Генеральная прокуратура России. Главное управление правовой статистики и информационных технологий (2018) // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/be9/sbornik_12_2018.pdf (дата обращения: 10.04.2020); Лимарь А.С. Преступления, связанные с незаконной организацией и проведением азартных игр как объект комплексного криминологического исследования // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 2. С. 163–167.

⁷ Игорные зоны в России. РИА «Новости». URL: <https://ria.ru/20190701/1556018402.html> (дата обращения: 10.04.2020).

могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, если они адекватны социально оправданным целям⁸. При этом само нормативное регулирование содержит в себе изначально правовое ограничение, так как несоблюдение норм влечет правовые последствия.

Как показывает современная практика применения нормативного регулирования, вопрос о целесообразности такого регулирования всегда является одним из ключевых. Так, например, Министерствами юстиции и внутренних дел ФРГ сформулирован перечень контрольных вопросов, связанных с проверкой необходимости принятия законопроекта. В данном перечне вопросов есть раздел вопросов «Какие существуют альтернативы?» и в п. 2.4 указывается вопрос, который подразумевает анализ действий, которые позволяют избежать принятия новых нормативных положений⁹. Это один из первых блоков вопросов, которые необходимо проработать перед созданием законопроекта. Формально (согласно Регламенту Государственной Думы РФ) в российской законодательной практике приведенный блок вопросов прорабатывается на стадии концепции законопроекта, а впоследствии отражается в пояснительной записке к законопроекту или иных сопроводительных документах. К сожалению, не всегда это правило соблюдается, рассмотренный Законопроект является примером отсутствия такой аргументации.

Согласно п. 1 ст. 4 Федерального закона № 244 «азартная игра — основанное на риске соглашение о выигрыше, заключенное двумя или несколькими участниками такого соглашения между собой либо с организатором азартной игры по правилам, установленным организатором азартной игры». Авторы законопроекта, дополняя ст. 5 указанного Федерального закона, попытались расширить приведенное понятие азартных игр, не уточняя положения ст. 4 Федерального закона № 244. Формально положения, которые не касаются азартных игр в их определении, были включены в статью, конкретизирующую ограничения осуществления деятельности по организации и проведению азартных игр. С точки зрения юридической техники такой подход к нормативному регулированию является необоснованным, так как предложенные законопроектом части ст. 5 Федерального закона № 244 содержат не ограничения, а описание одного из новых инструментов азартных игр; а в изначальной редакции законопроекта к первому чтению фактически описывали легальные финансовые инструменты сферы ценных бумаг, в частности, рынка форекс.

Ко второму чтению на основании мнений экспертов в финансовой сфере законодателем были приняты поправки, позволившие детализировать положения ст. 5 Законопроекта. В принятой редакции Федерального закона от 27 декабря 2019 г. № 495-ФЗ «О внесении изменений в статьи 6.1 и 39.1 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» и Федеральный закон «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» учтены следующие правовые аспекты:

1) положения части 7 ст. 5 Федерального закона № 244 не применяются к договорам, заключаемым на организационных торгах, и договорам, заключаемым форекс-дилером;

2) деятельность форекс-дилера (а заключение договора между физическим лицом, не являющимся индивидуальным предпринимателем, и форекс-дилером является его основной деятельностью) исключена в Федеральном законе № 244-ФЗ из-под регулирования вводимых ограничений без соотнесения с наличием соответствующей лицензии Банка России; при этом деятельность по осуществлению операций на рынке форекс вне рамок описываемого в законе контракта не подпадает под уголовное преследование, квалифицируемое ст. 171.2 УК РФ;

3) при корректировке спецификации контракта с учетом описываемого соглашения деятельность иностранной форекс-компании не подпадает под регуляторные требования Федерального закона № 244;

4) в принятом федеральном законе специально исключены валютные пары как основной торгуемый инструмент на рынке форекс, подобные ограничения не распространяются на криптовалюту как базисный актив контракта в отсутствие правового регулирования данного инструмента в российской юрисдикции.

В заключение отметим, что законодатель учел пожелания участников рынка ценных бумаг в процессе внесения поправок в Законопроект. Однако до сих пор отсутствуют сдерживающие экспертные механизмы в процедуре законотворчества, позволяющие участникам рынка ценных бумаг вносить свои экспертные заключения в отношении планируемых законопроектов, касающихся их непосредственно на более ранних стадиях подготовки законопроекта. Подобная проблема является серьезной и требует скорейшего рассмотрения возможных путей ее решения. Учитывая высокую степень саморегуляции сферы рынка ценных бумаг, необходимо подключить экспертные организации его участников к процедурам выработки нормативно-правовых актов на уровне законодательства и регламентных процедур законотворчества.

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 13 июня 1996 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности части пятой статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.В. Щелухина» // СЗ РФ. 1996. № 26. Ст. 3185.

⁹ См.: Васильева Т.А. Как написать закон. М.: Юрайт, 2012. С. 40.

Литература

1. Васильева Т.А. Как написать закон / Т.А. Васильева. Москва : Юрайт, 2012. 148 с.
2. Лимарь А.С. Преступления, связанные с незаконной организацией и проведением азартных игр как объект комплексного криминологического исследования / А.С. Лимарь // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 2. С. 163–167.

Историческое развитие института присяжных заседателей

Кособродов Никита Владимирович,

студент Всероссийского государственного
университета юстиции (ВГУЮ (РПА Минюста России))
kosobrodov@mail.ru

Институт присяжных заседателей имеет продолжительную историю — с момента возникновения идеи в работах мыслителей и государственных деятелей Российской империи XVIII–XIX вв. до ее реализации в рамках современного российского законодательства.

Идея введения института присяжных заседателей в России впервые возникла в XVIII в. Так, в 1768 г. российским ученым-юристом С.Е. Десницким были разработаны предложения по учреждению судебной власти, среди которых — равное для всех сословий судопроизводство с участием присяжных заседателей, основанное на гласности, состязательности, несменяемости и независимости судей¹.

Позже эта идея была поддержана М.М. Сперанским. Он считал, что судебная власть должна быть представлена областными, уездными и губернскими судами, которые должны состоять из выборных судей, действующих с участием присяжных заседателей².

Несмотря на то, что научная мысль ранее развивалась в направлении введения суда присяжных заседателей, практическая ее реализация состоялась в 1864 г. в рамках судебной реформы Александра II.

После Манифеста 19 февраля 1861 г. правовой климат в стране изменился. Если при крепостном праве крестьянин вместе со своим имуществом являлся собственностью помещика, был объектом права, а помещик по личному усмотрению регулировал взаимоотношения в крестьянской среде, чинил суд и расправу, то после его отмены права крестьян были расширены³.

Без обновленного правового регулирования было абсолютно невозможно обеспечить успех общего курса верховной власти на системную модернизацию России.

Просвещенные реформаторы того времени вполне обоснованно полагали, что без судебной реформы нельзя достичь конечных целей крестьянского освобождения. Так, именно научные труды правоведов Н.А. Буцковского «Об основных началах уголовного судопроизводства», С.И. Зарудного «Общие соображения по вопросу о составе уголовного суда» и др. стали фундаментом для глобальных изменений судебной системы 1864 г.

В работах исследователей определяется правовой статус присяжных заседателей, формируется концепция правового статуса присяжных заседателей, требования к кандидатам. В дальнейшем описанная ими конструкция была конкретизирована и введена Уставом уголовного судопроизводства, а затем и Учреждением судебных установлений.

Так, в ст. 45 Устава уголовного судопроизводства устанавливались требования к кандидату: возрастной ценз (не младше 25 и не старше 70 лет), ценз оседлости (не менее 2 лет), а также «профессиональный ценз»: в списки кандидатов не могли включаться такие профессии, как священник, военный, учитель, наемный рабочий, прислуга и иные.

Процедура отбора представляла собой многоступенчатую систему: из общего списка составлялся список очередных и запасных присяжных заседателей на следующий год. За 3 недели до судебного заседания методом жребия из данных списков отбиралось 36 очередных и 6 запасных присяжных заседателей. Непосредственно в заседании оставалась коллегия из 12 заседателей.

На суд присяжных заседателей предлагались дела «о преступлениях и проступках, влекущих за собой наказания, соединенные с лишением всех прав состояния, а также всех или некоторых особенных прав и преимуществ»⁴.

В целом исследователи, характеризуя модель судопроизводства с участием присяжных заседателей, относят ее к смешанному типу, воспринявшему и совместившему континентальную и англо-саксонскую модели судопроизводства с целью поиска баланса

¹ Десницкий С.Е. Представление об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. 2-я пол. XVIII века. М., 1959. С. 170–241.

² Сперанский М.М. Записки об устройстве судебных и правительственных учреждений в России // Проекты и записки / под ред. С.Н. Валка. М., Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1961. С. 117–131.

³ Карпачев М.Д. Судебная реформа 1864 г.: шаг на пути к правовому государству // Судебная власть и уголовный процесс. 2014. № 3.

⁴ Устав уголовного судопроизводства // Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. Т. 8. Судебная реформа. М., 1991. С. 219.

между «розыскным», «обвинительным направлением» уголовного судопроизводства и принципом состязательности⁵.

Специфика модели судопроизводства ярко выражена практически на всех стадиях судебного разбирательства. Так, особенности российской модели, представляющие наиболее важные и неоднозначные вопросы и по сей день, уже в современной модели, проявляются в следующих этапах: судебное следствие, прения сторон, напутственное слово председательствующего, вопросы для присяжных заседателей, а также вынесение вердикта.

Прежде всего, ключевым моментом является вопрос исследования обстоятельств и характеристики личности подсудимого. Согласно комментариям к Уставу уголовного судопроизводства 1864 г., исследование личности проводилось в полном объеме, не ограничиваясь «отдельным поступком подсудимого»⁶.

Многие правоведы высказывались негативно, апеллируя фактически к защите права обвиняемого на тайну личной жизни. Так, К.К. Арсеньев писал: «Справедливо ли усложнять положение подсудимого без того уже сложное, бросая ему в лицо всю грязь, которую только можно отыскать в его прошлом?»⁷

В.Д. Спасович считал, что все-таки необходимо ограничить исследование личности теми данными, которые сторона защиты готова раскрыть и «анатомировать»⁸.

Стоит отметить и широкие полномочия, предоставляемые суду присяжных заседателей на стадии судебного следствия и прений. Во-первых, согласно ст. 630 Устава уголовного судопроизводства, стороны имели право обратиться к присяжным для разъяснения доказательств, представления объяснений и возражений. Кроме того, в ст. 724 Устава уголовного судопроизводства закреплялось право присяжных заседателей допрашивать вызванных свидетелей.

Равными полномочиями с профессиональными судьями присяжные заседатели обладали и в части исследования следов, вещественных доказательств, присяжные заседатели могли просить огласить процессуальные документы, касающиеся осмотра, освидетельствования, обыска, выемки, а также требовать назначить повторную экспертизу, освидетельствование.

Учитывая определенные трудности в части понимания присяжными заседателями юридических

конструкций, законодатель закрепляет право присяжных заседателей даже в совещательной комнате потребовать от председательствующего объяснений или исследования обстоятельств дела. В то же время право ограничивалось тем, что письменные материалы не передавались в совещательную комнату, и в ходе устного объяснения председательствующий способен был склонить присяжных к тому или иному выводу, что также представляет отдельную проблему в рамках разрешения взаимодействия профессиональных судей и «народных».

Также реформой устанавливались такие принципы судопроизводства как отправление обязанностей присяжных представителями всех сословий, произвольный выбор старшины, специализация профессиональных судей на разрешении уголовных дел, равные права коронных и присяжных судей при проведении судебного следствия. Соответственно, интерес со стороны общества к обновленной судебной системе был достаточно высок, особенно к суду присяжных заседателей. Помимо этого, увеличивалась степень уважения и доверия к власти.

Появление в России судов присяжных заседателей, как любое новое правовое явление, имеет достоинства и недостатки, а также сторонников и противников, их обосновывающих.

Утвердившееся в литературе негативное отношение к дореформенному суду Б.Н. Миронов ставит под сомнение. Он считает, что в дореформенной России существовали более низкий уровень преступности и более высокая справедливость приговоров⁹.

Например, в 1867 г. в Тульском окружном суде слушалось дело о дочери помещика О. Улецкой. Девочка несколько раз пыталась сжечь хозяйственные постройки. Причиной этого стало жестокое обращение с ней родителей. Присяжные ее оправдали. Суд обвинил родителей в вовлечении дочери в преступление. Исходя из того, что за это ответственность не предусмотрена, определили родителей не наказывать, а только подвергнуть особому внушению от духовного начальства за неприведение ребенка к исповеди.

А.А. Ильюхов утверждает, что в большинстве своем приговоры, постановленные коллегией присяжных заседателей, были обоснованны и выражали отношение общества не только к совершенному деянию, но и к существующей власти, и такие решения не всегда отвечали интересам господствующего класса¹⁰.

Считается, что дореформенная судебная система не соответствовала существовавшим на тот момент общественным отношениям. Уездные суды контролировались местным дворянским собранием. Также важной особенностью дореформенного периода

⁵ Насонов С.А. Модель производства в суде присяжных по Уставу уголовного судопроизводства России 1864 года // Право: история, теория, практика : материалы II Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2013 г.). СПб. : Реноме, 2013. С. 96–109. URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/84/4118/> (дата обращения: 19.04.2020).

⁶ Щегловитов И.Г. Судебные Уставы императора Александра Второго с законодательными мотивами и разъяснениями: Устав уголовного судопроизводства. СПб., 1887. С. 134.

⁷ Арсеньев К.К. Предание суду и дальнейший ход уголовного дела до начала судебного следствия. СПб., 1870.

⁸ Спасович В.Д. За много лет. СПб., 1872. С. 147.

⁹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). СПб., 2003. Т. 2. С. 56.

¹⁰ Матасова А.О. История становления и развития суда присяжных в России // Молодой ученый. 2019. № 6. С. 78–80. URL: <https://moluch.ru/archive/244/56423/> (дата обращения: 01.04.2020).

являлось то, что любое судебное решение могло быть изменено по повелению царя. При неограниченном самодержавии священная воля монарха являлась источником легитимности и уже поэтому была выше формальной законности¹¹. Юрист И.В. Гессен назвал институт суда присяжных заседателей «инородным телом» в государстве организма, небезосновательно полагая, что самодержавное государство не могло воспринять и адаптировать западный институт¹².

Тем не менее, опираясь на статистику, изложенную А.М. Бобрищевым-Пушкиным, представляем возможным говорить о периоде введения института в действие как о периоде «расцвета» судебной системы: именно в этот период появляются знаменитые адвокаты, суд приобретает состязательный характер и отличается гуманностью, а также демократизмом. Так, до 1878 г. в компетенцию присяжных заседателей входило рассмотрение дел по 410 статьям Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, практически 1/5 всех статей, содержащих карательные меры.

«Кризис» института присяжных заседателей был вызван многочисленными факторами: внутренняя революционная ситуация, противоречие самодержавному устою и, наконец, сами недостатки и несовершенства модели судопроизводства вызвали необходимость существенного реформирования правового положения суда присяжных заседателей и его компетенции.

Поводом для этого послужило оправдание в марте 1878 г. судом присяжных заседателей Веры Засулич, ранившей из пистолета петербургского градоначальника генерала Ф.Ф. Трепова. А.Ф. Кони, будучи председательствующим в том процессе, о деятельности судов присяжных заседателей впоследствии писал: «Достаточно вспомнить нарекания на присяжных по поводу дела Веры Засулич, когда один ленивый не бросал в них не только камнями»¹³. С предложением о сужении компетенции суда присяжных выступил министр юстиции граф К.И. Пален.

В период с 1878 по 1889 г. под действием «реверса» компетенция суда и правовой статус присяжных заседателей в целом значительно сузился.

Для присяжных заседателей был изменен имущественный ценз. Для землевладельцев этот ценз был снижен со 100 до 10–20 десятин земли и увеличен для лиц, получающих жалованье, с 200 до 400, а иногда до 600 рублей в год. Было ограничено право безмотивного отвода присяжных заседателей. Каждая сторона, согласно внесенным изменениям, могла отвести не более трех присяжных заседателей, что сильно ущемляло права подсудимого. Одновременно с этим

был изменен состав комиссий, готовивших годовые и периодические списки присяжных заседателей. В члены этих комиссий включались представители исполнительных органов в лице исправников или полицмейстеров, а также прокурор.

Представитель интересов обвинения получил возможность оказывать свое влияние на подбор списков присяжных заседателей. Инициатором этих изменений было также Министерство юстиции¹⁴.

Как свидетельствуют данные А.М. Бобрищева-Пушкина, к 1889 г. в компетенции суда присяжных заседателей — около 300 статей Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Процент от общего объема снизился до 66%.

Несмотря на критику, ужесточение условий участия присяжных заседателей в судопроизводстве, в 1894 г. на совещании старших председателей и прокуроров судебных палат большинство членов высказалось положительно о деятельности суда.

А.Ф. Кони полагал, что суд присяжных заседателей «представляет собою лучшую форму суда, какую только можно себе представить для разрешения большей части серьезных дел, особенно в тех случаях, когда тяжкое обвинение связано с тонкими уликами, требующими житейской мудрости».

Таким образом, после многочисленных поправок и изменений можно говорить об успешной адаптации института к российским реалиям.

В период с 1890 по 1914 г. произошло всего 3 изменения: упрощение принятия присяги заседателями, новое право присяжных заседателей — получать информацию о наказании подсудимому, вынесенном вследствие их решения, а также введение денежной компенсации за «отлучки» заседателя от места жительства. В то же время в данный период суд присяжных заседателей участвовал в 44% от общего количества дел.

В 1917 г. с приходом к власти Временного правительства ситуация вновь коренным образом изменилась: в компетенцию суда присяжных заседателей включается рассмотрение государственных преступлений. Более того, создается Военный суд присяжных, действовавший во время Первой мировой войны как на фронте, так и в тылу в определенных ситуациях.

С началом построения советского государства суд присяжных заседателей теряет место в судебной системе государства, возможность участия гражданина в судебной ветви полностью пресекается.

Долгий советский период «забвения» данного института вызвал необходимость фактически заново внедрять и адаптировать важнейший механизм, позволяющий реализовать право граждан и общества участвовать в «отправлении правосудия» непосредственным образом.

¹¹ Карпачев М.Д. Судебная реформа 1864 г.: шаг на пути к правовому государству // Судебная власть и уголовный процесс. 2014. № 3.

¹² Гессен И.В. (1905). Судебная реформа. СПб. С. 142.

¹³ Ильяхов А.А. Суд присяжных в России: история его становления и развития // История государства и права. 2015. № 23. С. 34–41.

¹⁴ Большакова В.М. Суд присяжных: хронодискретный российский институт // Уголовное судопроизводство. 2017. № 3. С. 11–14.

На данный момент, начиная с 1993 г., проводится «реконструкция» дореволюционного института присяжных заседателей, что сопровождается внесением изменений в существующие правовые основы деятельности суда присяжных заседателей и дискуссиями о дальнейшем развитии.

Рассмотрев развитие существующей модели судопроизводства с участием присяжных заседателей, считаем возможным выделить следующие этапы.

С 1864 по 1878 г. институт адаптируется к отечественной судебной системе, рассматривается как абсолютно новый вектор ее развития, играет огромную роль в рассмотрении дел.

Второй этап, длящийся с 1878 по 1889 г., — период «кризиса» роли института, государство стремится ограничить влияние суда присяжных заседателей.

В 1890 г. начинается этап осмысления и осознания роли суда присяжных заседателей, период стабилизации института.

С 1917 по 1922 г. — время наиболее широкой компетенции присяжных заседателей.

1922–1993 гг. — советский период, характеризующийся отрицанием и отсутствием института как такового.

Таким образом, закрепление в 1993 г. в Конституции РФ демократических начал повлекло необходимость возвращения дореволюционного института суда присяжных заседателей, представляющего собой уникальный механизм, с помощью которого общество могло непосредственно участвовать в деятельности суда.

На протяжении всей истории развития институт присяжных заседателей и его роль неоднократно изменялись, «сонастраиваясь» с правовыми и государственными реалиями.

Анализируя тот или иной период и соотнося с регулированием деятельности присяжных заседателей, считаем очевидным, что институт присяжных заседателей есть не что иное, как индикатор, явственно отображающий уровень развития государства в рамках демократического направления и, более того, степень развития гражданского общества.

Литература

1. Арсеньев К.К. Предание суду и дальнейший ход уголовного дела до начала судебного следствия : сборник практических заметок / К.К. Арсеньев. Санкт-Петербург : Тип. В. Демакова, 1870. 225 с.
2. Большакова В.М. Суд присяжных: хронодискретный российский институт / В.М. Большакова // Уголовное судопроизводство. 2017. № 3. С. 11–14.
3. Гессен И.В. Судебная реформа / И.В. Гессен. Санкт-Петербург : Книгоизд-во П.П. Гершунина, 1905. 267 с.
4. Десницкий С.Е. Представление об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи / С.Е. Десницкий // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей : сборник / под общей редакцией С.А. Покровского. Т. 1. Вторая половина XVIII в. / С.Е. Десницкий, И.А. Третьяков, Я.П. Козельский, А.Н. Радищев. Москва : Госюриздат, 1959. С. 170–241.
5. Ильюхов А.А. Суд присяжных в России: история его становления и развития / А.А. Ильюхов // История государства и права. 2015. № 23. С. 34–41.
6. Карпачев М.Д. Судебная реформа 1864 г.: шаг на пути к правовому государству / М.Д. Карпачев // Судебная власть и уголовный процесс. 2014. № 3. С. 29–40.
7. Матасова А.О. История становления и развития суда присяжных в России / А.О. Матасова // Молодой ученый. 2019. № 6 (244). С. 78–80.
8. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). В 2 томах. Т. 2 / Б.Н. Миронов. 3-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. 582 с.
9. Насонов С.А. Модель производства в суде присяжных по Уставу уголовного судопроизводства России 1864 года / С.А. Насонов // Право: история, теория, практика : материалы II Международной научной конференции (г. Санкт-Петербург, июль 2013 г.). Санкт-Петербург : Реноме, 2013. С. 96–109.
10. Спасович В.Д. За много лет, 1859–1871 : Статьи, отрывки, история, критика, полемика, судебные речи и проч. / В.Д. Спасович. Санкт-Петербург : Тип. Ф. Сущинского, 1872. 665 с.
11. Сперанский М.М. Записки об устройстве судебных и правительственных учреждений в России // Сперанский М.М. Проекты и записки / подготовлен к печати: А.И. Копанев и М.В. Кукушкина ; под редакцией и с предисловием С.Н. Валка. Москва ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1961. С. 117–131.
12. Устав уголовного судопроизводства // Российское законодательство X–XX в.в. В 9 томах / под общей редакцией О.И. Чистякова. Т. 8. Судебная реформа / ответственный редактор Б.В. Виленский. Москва : Юридическая литература, 1991. 495 с.
13. Щегловитов И.Г. Судебные Уставы императора Александра Второго с законодательными мотивами и разъяснениями. Устав уголовного судопроизводства / И.Г. Щегловитов. 3-е изд., испр., доп. и переработ. Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1887. 1143 с.

Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (Covid-19) № 1

В связи с возникшими у судов вопросами по применению законодательных изменений и мер, направленных на противодействие распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19), в целях обеспечения единообразного применения законодательства Верховный Суд Российской Федерации, руководствуясь пунктом 1 части 7 статьи 2 и пунктом 7 части 1 статьи 7 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», полагает необходимым дать разъяснения по следующим вопросам.

I. Вопросы применения процессуального законодательства

Вопрос 1: Являются ли меры по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) основанием для отложения судебного разбирательства, приостановления производства по делу, продления срока его рассмотрения?

Ответ: Введение в соответствии с Федеральным законом от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» правовых режимов, предусматривающих ограничения свободного перемещения граждан, их нахождения в общественных местах, государственных и иных учреждениях, предполагает возложение на граждан обязанностей публично-правового характера.

Невозможность рассмотрения дела в связи с введением указанных правовых режимов может являться

основанием для отложения судебного разбирательства в силу статьи 169 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ), статьи 158 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ), статьи 152 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ), части 1 статьи 253 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ).

Кроме того, в случае необходимости суд, арбитражный суд вправе приостановить производство по делу (часть 4 статьи 1, абзац второй статьи 216 ГПК РФ, часть 5 статьи 3, пункт 4 статьи 144 АПК РФ, часть 4 статьи 2, пункт 4 части 1 статьи 191 КАС РФ), если лица, участвующие в деле, лишены возможности присутствовать в судебном заседании в связи с принимаемыми ограничительными мерами по противодействию распространению новой коронавирусной инфекции.

Если по поступившему в суд уголовному делу или при рассмотрении судом уголовного дела возникли обстоятельства, исключающие возможность участия обвиняемого, подсудимого в судебном разбирательстве, судья (суд) приостанавливает производство по делу (статья 238, часть 3 статьи 253 УПК РФ).

Сложность рассмотрения дела в условиях распространения на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции может являться основанием для продления срока рассмотрения дела председателем суда, заместителем председателя суда, председателем судебного состава (часть 6 статьи 154 ГПК РФ, статья 141 КАС РФ), председателем арбитражного суда (часть 2 статьи 152 АПК РФ).

При этом вопрос о необходимости отложения разбирательства дела, приостановлении производства по делу, продлении срока рассмотрения дела должен решаться судом, арбитражным судом, в производстве которого находится дело, самостоятельно применительно к каждому конкретному делу с учетом необходимости соблюдения сроков рассмотрения дела судом соответствующей инстанции и разумного срока судопроизводства (статья 6.1 ГПК РФ, статья 6.1 АПК РФ, статья 10 КАС РФ, статья 6.1 УПК РФ).

С учетом обстоятельств дела, мнений участников судопроизводства и условий режима, введенного в субъекте Российской Федерации, суд вправе самостоятельно принять решение о рассмотрении в период действия ограничительных мер, связанных с противодействием распространению новой коронавирусной инфекции, дела, не относящегося к категории безотлагательных.

Кроме того, в соответствующий период рассматриваются дела в порядке приказного и упрощенного производства, дела, всеми участниками которых заявлены ходатайства о рассмотрении дела в их отсутствие, если их участие при рассмотрении дела не является обязательным, жалобы, представления, подлежащие рассмотрению без проведения судебного заседания, вопросы, для рассмотрения которых не требуется проведение судебного заседания (например, вопросы об исправлении описок, опечаток, явных арифметических ошибок в решении суда).

Судам также необходимо учитывать, что по обоснованному ходатайству лица, участвующего в административном деле, о неотложном рассмотрении и разрешении административного дела суд принимает необходимые меры для незамедлительного рассмотрения административного дела любой категории, в том числе административного дела, производство по которому было приостановлено (часть 4 статьи 135 КАС РФ).

Вопрос 2: Каковы правовые последствия того, что последний день процессуального срока приходится на день, объявленный нерабочим Указами Президента Российской Федерации от 25 марта 2020 г. № 206 и от 2 апреля 2020 г. № 239?

Ответ: Согласно части 3 статьи 107 ГПК РФ, части 3 статьи 113 АПК РФ, части 2 статьи 92 КАС РФ в сроки, исчисляемые днями, не включаются нерабочие дни, если иное не установлено названными кодексами. В соответствии с частью 2 статьи 108 ГПК РФ, частью 4 статьи 114 АПК РФ, частью 2 статьи 93 КАС РФ в случае, если последний день процессуального срока приходится на нерабочий день, днем окончания срока считается следующий за ним рабочий день.

В силу части 2 статьи 128 УПК РФ если окончание срока приходится на нерабочий день, то последним днем срока считается первый следующий за ним

рабочий день, за исключением случаев исчисления сроков при задержании, содержании под стражей, домашнем аресте, запрете определенных действий и нахождении в медицинской организации, оказывающей медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях.

Указы Президента Российской Федерации от 25 марта 2020 г. № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней» и от 2 апреля 2020 г. № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» в части установления нерабочих дней не распространяются на федеральные органы государственной власти, которым предписано лишь определить численность федеральных государственных служащих, обеспечивающих функционирование этих органов.

В связи с изложенным нерабочие дни в период с 30 марта по 30 апреля 2020 г. включаются в процессуальные сроки и не являются основанием для переноса дня окончания процессуальных сроков на следующий за ними рабочий день.

Вопрос 3: Применяется ли правило, установленное частью 4 статьи 114 АПК РФ, в случае, если последний день срока, на который отложено судебное разбирательство, приходится на нерабочий день (в том числе объявленный таковым в целях обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения)?

Ответ: В соответствии с частью 4 статьи 114 АПК РФ в случаях, если последний день процессуального срока приходится на нерабочий день, днем окончания срока считается первый следующий за ним рабочий день.

В случае, если последний день срока, на который отложено судебное разбирательство, приходится на нерабочий день (в том числе объявленный таковым в целях обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения), то с учетом части 4 статьи 114 АПК РФ днем окончания такого срока считается первый следующий за ним рабочий день.

В целях реализации права лиц, участвующих в деле, на доступ к справедливому судебному разбирательству арбитражному суду следует применительно к части 1 статьи 118 АПК РФ в первый рабочий день продлить срок отложения судебного разбирательства с назначением нового судебного заседания и на основании части 9 статьи 158 АПК РФ известить лиц, участвующих в деле, и других участников арбитражного процесса о времени и месте нового судебного заседания в порядке и сроки, предусмотренные главой 12 АПК РФ.

Отложение судебного разбирательства на срок, который превышает срок, установленный положениями статьи 158 АПК РФ, производится в случае необходимо-

сти при наличии соответствующих оснований, а срок, на который судебное разбирательство отложено, не включается в срок рассмотрения дела, установленный частью 1 статьи 152 АПК РФ (часть 3 статьи 152 АПК РФ).

Вопрос 4: Являются ли ограничительные меры, введенные в субъектах Российской Федерации в целях противодействия распространению новой коронавирусной инфекции (COVID-19), и (или) соблюдение гражданином режима самоизоляции основанием для восстановления процессуальных сроков?

Ответ: Право на судебную защиту лиц, участвующих в деле, лишенных в силу объективных обстоятельств возможности совершить необходимое процессуальное действие в установленные законом сроки, обеспечивается посредством восстановления процессуальных сроков (статья 112 ГПК РФ, статья 117 АПК РФ, статья 95 КАС РФ, статья 130 УПК РФ).

К уважительным причинам пропуска процессуального срока относятся как обстоятельства, связанные с личностью заинтересованного лица (тяжелая болезнь, беспомощное состояние, неграмотность и т.п.), так и обстоятельства, объективно препятствовавшие лицу, добросовестно пользующемуся своими процессуальными правами, реализовать свое право в установленный законом срок (пункт 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2012 г. № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции», пункт 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2012 г. № 29 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции»).

Таким образом, сроки совершения процессуальных действий лицами, участвующими в деле, пропущенные в связи с введенными мерами по противодействию распространению новой коронавирусной инфекции (ограничение свободного перемещения граждан, их нахождения в общественных местах, государственных и иных учреждениях, изменения в работе органов и организаций), подлежат восстановлению в соответствии с процессуальным законодательством.

II. Вопросы применения гражданского законодательства

Вопрос 5: Каковы правовые последствия того, что последний день срока исполнения обязательства или срока исковой давности приходится на день, объявленный нерабочим Указами Президента Российской Федерации от 25 марта 2020 г. № 206 и от 2 апреля 2020 г. № 239?

Ответ: В соответствии со статьей 193 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ),

если последний день срока приходится на нерабочий день, днем окончания срока считается ближайший следующий за ним рабочий день. При этом следует принимать во внимание, что из правила статьи 193 ГК РФ возможны исключения, когда из условий обязательства следует, что оно должно быть исполнено именно в выходной день или в определенный день вне зависимости от того, является он рабочим или нерабочим.

Нерабочие дни, объявленные таковыми Указом Президента Российской Федерации от 25 марта 2020 г. № 206 и от 2 апреля 2020 г. № 239, относятся к числу мер, установленных в целях обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, направленных на предотвращение распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19), и не могут считаться нерабочими днями в смысле, придаваемом этому понятию ГК РФ, под которым понимаются выходные и нерабочие праздничные дни, предусмотренные статьями 111, 112 Трудового кодекса Российской Федерации.

Иное означало бы приостановление исполнения всех без исключения гражданских обязательств в течение длительного периода и существенное ограничение гражданского оборота в целом, что не соответствует целям названных Указов Президента Российской Федерации.

Кроме того, установление нерабочих дней в данном случае являлось не всеобщим, а зависело от различных условий (таких как направление деятельности хозяйствующего субъекта, его местоположение и введенные в конкретном субъекте Российской Федерации ограничительные меры в связи с объявлением режима повышенной готовности). Помимо этого, дополнительные ограничительные меры по передвижению по территории, определению круга хозяйствующих субъектов, деятельность которых приостанавливается, могут вводиться на уровне субъектов Российской Федерации (пункт 2 Указа Президента РФ от 2 апреля 2020 г. № 239).

Равным образом, в сложившейся ситуации необходимо учитывать, что в ряде случаев в дни, объявленные Указами Президента Российской Федерации нерабочими, препятствия к исполнению обязательства могут отсутствовать, а в ряде случаев — такое исполнение полностью невозможно.

С учетом изложенного при отсутствии иных оснований для освобождения от ответственности за неисполнение обязательства (статья 401 ГК РФ) установление нерабочих дней в период с 30 марта по 30 апреля 2020 г. основанием для переноса срока исполнения обязательства исходя из положений ст. 193 ГК РФ не является.

Если в условиях распространения новой коронавирусной инфекции будут установлены обстоятельства

непреодолимой силы по правилам пункта 3 статьи 401 ГК РФ, то необходимо учитывать, что наступление таких обстоятельств само по себе не прекращает обязательство должника, если исполнение остается возможным после того, как они отпали (пункт 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»). В этом случае должник не несет ответственности за просрочку исполнения обязательства, возникшую вследствие наступления обстоятельств непреодолимой силы, а кредитор не лишен права отказаться от договора, если вследствие просрочки, возникшей в связи с наступлением обстоятельств непреодолимой силы, он утратил интерес в исполнении. При этом должник не отвечает перед кредитором за убытки, причиненные просрочкой исполнения обязательств вследствие наступления обстоятельств непреодолимой силы (пункт 3 статьи 401, пункт 2 статьи 405 ГК РФ).

Если кредитор не отказался от договора, должник после отпадения обстоятельств непреодолимой силы применительно к пунктам 1, 2 статьи 314 ГК РФ обязан исполнить обязательство в разумный срок.

Аналогичным образом следует определять и момент окончания срока исковой давности при отсутствии предусмотренных статьей 202 ГК РФ оснований для его приостановления.

Вопрос 6: Возможно ли восстановление сроков исковой давности (статья 205 ГК РФ) или их приостановление (пункт 1 статьи 202 ГК РФ) в связи с введенными ограничениями и (или) мерами самоизоляции?

Ответ: Нормами статей 196, 197 ГК РФ установлены общий и специальные сроки исковой давности.

Основания приостановления течения срока исковой давности урегулированы статьей 202 ГК РФ, пунктом 1 которой закреплено, что течение срока исковой давности приостанавливается, если предъявлению иска препятствовало чрезвычайное и непредотвратимое при данных условиях обстоятельство (непреодолимая сила).

Течение исковой давности приостанавливается при условии, что названные обстоятельства возникли или продолжали существовать в последние шесть месяцев срока исковой давности, а если этот срок равен шести месяцам или менее шести месяцев, в течение срока исковой давности (пункт 2 статьи 202 ГК РФ). Соответственно, если до истечения срока исковой давности осталось более 6 месяцев, то обстоятельство непреодолимой силы не приостанавливает его течение. Оно станет основанием приостановления исковой давности, если сохранится до названного в пункте 2 статьи 202 ГК РФ срока (шесть месяцев до момента истечения).

Со дня прекращения обстоятельств непреодолимой силы течение срока исковой давности продолжается. Остаточная часть срока исковой давности, если она составляет менее шести месяцев, удлинится до шести месяцев, а если срок исковой давности равен шести месяцам или менее шести месяцев, до срока исковой давности (пункт 4 статьи 202 ГК РФ).

Критерии, при которых то или иное обстоятельство может быть признано обстоятельством непреодолимой силы, установлены статьей 401 ГК РФ, разъяснения по применению которой даны Верховным Судом Российской Федерации в постановлении Пленума от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств».

Исковая давность применяется только по заявлению стороны в споре (пункт 2 статьи 199 ГК РФ) или третьего лица, если в случае удовлетворения иска к ответчику возможно предъявление ответчиком к третьему лицу регрессного требования или требования о возмещении убытков (пункт 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности»).

Бремя доказывания наличия обстоятельств, свидетельствующих о приостановлении течения срока исковой давности, возлагается на лицо, предъявившее иск (пункт 12 названного постановления).

Таким образом, вопросы, связанные с отнесением тех или иных обстоятельств к обстоятельствам непреодолимой силы, подлежат исследованию судом исключительно при наличии заявления ответчика или третьего лица и возражений истца, представляющего доказательство наличия таких чрезвычайных и непредотвратимых обстоятельств, которые бы препятствовали предъявлению данного иска.

При этом представляемые лицом, участвующим в деле, в подтверждение своих доводов доказательства подлежат оценке судом по общим правилам, установленным статьей 67 ГПК РФ, статьей 65 АПК РФ.

С учетом изложенного вывод о наличии или отсутствии обстоятельств непреодолимой силы, препятствовавших своевременному обращению в суд за защитой нарушенного права, может быть сделан судом только с учетом фактических обстоятельств конкретного дела.

Таким образом, принятые органами государственной власти и местного самоуправления меры, направленные на предотвращение распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19), если они препятствовали предъявлению иска, при наличии

перечисленных выше условий могут быть признаны основанием для приостановления сроков исковой давности.

В случае, если обстоятельства непреодолимой силы не установлены, срок исковой давности исчисляется в общем порядке.

Невозможность для граждан в условиях принимаемых ограничительных мер обратиться в суд с иском (режим самоизоляции, невозможность обращения в силу возраста, состояния здоровья или иных обстоятельств через интернет-приемную суда или через организацию почтовой связи) может рассматриваться в качестве уважительной причины пропуска срока исковой давности и основания для его восстановления на основании статьи 205 ГК РФ.

Вопрос 7: Возможно ли признание эпидемиологической обстановки, ограничительных мер или режима самоизоляции обстоятельствами непреодолимой силы (пункт 3 статьи 401 ГК РФ) или основанием прекращения обязательства в связи с невозможностью его исполнения (статья 416 ГК РФ), в том числе в связи с актом государственного органа (статья 417 ГК РФ), а если возможно — то при каких условиях?

Ответ: Пунктами 1 и 3 статьи 401 ГК РФ установлены различия между гражданами и лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, в основаниях освобождения от ответственности за нарушение обязательств.

Граждане могут быть освобождены от ответственности за нарушение обязательств при отсутствии вины, т.е. в ситуации, когда гражданин при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, принял все меры для надлежащего исполнения обязательства (пункт 1 статьи 401 ГК РФ).

В соответствии с пунктом 3 статьи 401 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом или договором, лицо, не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, несет ответственность, если не докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы, т.е. чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств.

Таким образом, статья 401 ГК РФ устанавливает критерии, при которых то или иное обстоятельство может быть признано обстоятельством непреодолимой силы.

Верховным Судом Российской Федерации в постановлении Пленума от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» дано толкование содержащемуся в ГК РФ понятию обстоятельств непреодолимой силы.

Так, в пункте 8 названного постановления разъяснено, что в силу пункта 3 статьи 401 ГК РФ для признания обстоятельства непреодолимой силой необходимо, чтобы оно носило чрезвычайный, непредотвратимый при данных условиях и внешний по отношению к деятельности должника характер.

Требование чрезвычайности подразумевает исключительность рассматриваемого обстоятельства, наступление которого не является обычным в конкретных условиях.

Если иное не предусмотрено законом, обстоятельство признается непредотвратимым, если любой участник гражданского оборота, осуществляющий аналогичную с должником деятельность, не мог бы избежать наступления этого обстоятельства или его последствий, т.е. одной из характеристик обстоятельств непреодолимой силы (наряду с чрезвычайностью и непредотвратимостью) является ее относительный характер.

Не могут быть признаны непреодолимой силой обстоятельства, наступление которых зависело от воли или действий стороны обязательства, например, отсутствие у должника необходимых денежных средств, нарушение обязательств его контрагентами, неправомерные действия его представителей.

Из приведенных разъяснений следует, что признание распространения новой коронавирусной инфекции обстоятельством непреодолимой силы не может быть универсальным для всех категорий должников, независимо от типа их деятельности, условий ее осуществления, в том числе региона, в котором действует организация, в силу чего существование обстоятельств непреодолимой силы должно быть установлено с учетом обстоятельств конкретного дела (в том числе срока исполнения обязательства, характера неисполненного обязательства, разумности и добросовестности действий должника и т.д.).

Применительно к нормам статьи 401 ГК РФ обстоятельства, вызванные угрозой распространения новой коронавирусной инфекции, а также принимаемые органами государственной власти и местного самоуправления меры по ограничению ее распространения, в частности, установление обязательных правил поведения при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации, запрет на передвижение транспортных средств, ограничение передвижения физических лиц, приостановление деятельности предприятий и учреждений, отмена и перенос массовых мероприятий, введение режима самоизоляции граждан и т.п., могут быть признаны обстоятельствами непреодолимой силы, если будет установлено их соответствие названным выше критериям таких обстоятельств и причинная связь между этими обстоятельствами и неисполнением обязательства.

При этом следует иметь в виду, что отсутствие у должника необходимых денежных средств по общему правилу не является основанием для освобождения от ответственности за неисполнение обязательств. Однако если отсутствие необходимых денежных средств вызвано установленными ограничительными мерами, в частности запретом определенной деятельности, установлением режима самоизоляции и т.п., то оно может быть признано основанием для освобождения от ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств на основании статьи 401 ГК РФ. Освобождение от ответственности допустимо в случае, если разумный и осмотрительный участник гражданского оборота, осуществляющий аналогичную с должником деятельность, не мог бы избежать неблагоприятных финансовых последствий, вызванных ограничительными мерами (например, в случае значительного снижения размера прибыли по причине принудительного закрытия предприятия общественного питания для открытого посещения).

В пункте 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» разъяснено, что наступление обстоятельств непреодолимой силы само по себе не прекращает обязательство должника, если исполнение остается возможным после того, как они отпали. Кредитор не лишен права отказаться от договора, если вследствие просрочки, объективно возникшей в связи с наступлением обстоятельств непреодолимой силы, он утратил интерес в исполнении. При этом должник не отвечает перед кредитором за убытки, причиненные просрочкой исполнения обязательств вследствие наступления обстоятельств непреодолимой силы (пункт 3 статьи 401, пункт 2 статьи 405 ГК РФ).

Если обстоятельства непреодолимой силы носят временный характер, то сторона может быть освобождена от ответственности на разумный период, когда обстоятельства непреодолимой силы препятствуют исполнению обязательств стороны.

Таким образом, если иное не установлено законом, для освобождения от ответственности за неисполнение своих обязательств сторона должна доказать:

а) наличие и продолжительность обстоятельств непреодолимой силы;

б) наличие причинно-следственной связи между возникшими обстоятельствами непреодолимой силы и невозможностью либо задержкой исполнения обязательств;

в) непричастность стороны к созданию обстоятельств непреодолимой силы;

г) добросовестное принятие стороной разумно ожидаемых мер для предотвращения (минимизации) возможных рисков.

При рассмотрении вопроса об освобождении от ответственности вследствие обстоятельств непреодолимой силы могут приниматься во внимание соответствующие документы (заключения, свидетельства), подтверждающие наличие обстоятельств непреодолимой силы, выданные уполномоченными на то органами или организациями.

Если указанные выше обстоятельства, за которые не отвечает ни одна из сторон обязательства, и (или) принятие актов органов государственной власти или местного самоуправления привели к полной или частичной объективной невозможности исполнения обязательства, имеющей постоянный (неустраимый) характер, данное обязательство прекращается полностью или в соответствующей части на основании статей 416 и 417 ГК РФ.

Вопрос 8: Возможно ли признание эпидемиологической обстановки, ограничительных мер или режима самоизоляции основаниями для изменения или расторжения договора, а если возможно — то при каких условиях?

Ответ: Если иное не предусмотрено договором и не вытекает из его существа, такие обстоятельства, которые стороны не могли предвидеть при заключении договоров, могут являться основанием для изменения и расторжения договоров на основании статьи 451 ГК РФ, если при предвидении данных обстоятельств договор не был бы заключен или был бы заключен на значительно отличающихся условиях.

При этом по пункту 4 статьи 451 ГК РФ изменение договора в связи с существенным изменением обстоятельств по требованию одной из сторон возможно лишь в исключительных случаях, когда расторжение договора противоречит общественным интересам либо повлечет для сторон ущерб, значительно превышающий затраты, необходимые для исполнения договора на измененных судом условиях. При удовлетворении иска об изменении условий договора судам необходимо указывать, каким общественным интересам противоречит расторжение договора, либо обосновывать значительный ущерб сторон от расторжения договора.

Вместе с тем следует учитывать, что дополнительные права на отказ от договора либо изменение его условий могут быть предусмотрены как общими положениями об обязательствах, например, положениями статьи 328 ГК РФ, так и законодательством об отдельных типах и видах договоров, например, положениями статьи 19 Федерального закона от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций».

Последствия расторжения или изменения договора в таких случаях определяются на основании пункта 3

статьи 451, а также пункта 4 статьи 453 ГК РФ, если иное не установлено законом или иным правовым актом.

В частности, при нарушении исполнителем сроков выполнения работы, оказания услуги потребитель вправе отказаться от исполнения договора и потребовать возврата уплаченной им цены на основании статьи 28 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей». При отказе потребителя от исполнения договора о выполнении работ (оказании услуг) не в связи с его нарушением исполнителем, потребитель вправе на основании статьи 32 названного закона требовать возврата уплаченной им цены за вычетом фактически понесенных исполнителем расходов, связанных с исполнением обязательств по данному договору.

III. Вопросы применения законодательства о банкротстве

Вопрос 9: Является ли достаточным основанием для возврата арбитражным судом заявления кредитора о признании должника банкротом включение должника в перечень лиц, на которых распространяется мораторий?

Ответ: Исходя из буквального содержания положений пунктов 1 и 2 статьи 9.1 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве), в период действия моратория для возврата заявления кредитора о признании должника банкротом достаточным основанием будет включение должника в перечень лиц, на которых распространяется мораторий. Обстоятельства возникновения задолженности должника перед кредиторами (в том числе причины, по которым она возникла, связь с основанием для введения моратория), а также период ее возникновения правового значения не имеют.

На стадии принятия заявления к производству арбитражный суд проверяет соблюдение требований, предусмотренных процессуальным законодательством и Законом о банкротстве (статья 42 Закона о банкротстве), обстоятельства, связанные с возникновением задолженности, на данной стадии процесса судом не исследуются.

Вопрос 10: Подлежат ли выдаче исполнительные листы на основании судебных актов по имущественным взысканиям в отношении должников, на которых распространяется мораторий?

Ответ: Положения пункта 3 статьи 9.1 Закона о банкротстве не исключают возможность рассмотрения в период действия моратория исков к должникам, на которых он распространяется.

В подпункте 4 названной нормы указано, что исполнительное производство по имущественным взысканиям по требованиям, возникшим до введения

моратория, приостанавливается (при этом не снимаются аресты на имущество должника и иные ограничения в части распоряжения имуществом должника, наложенные в ходе исполнительного производства).

Учитывая, что законодатель предусмотрел в моратории приостановление исполнительного производства, но при этом допустил сохранение арестов (в отличие от процедуры наблюдения — абзац 4 пункта 1 статьи 63 Закона о банкротстве), можно сделать вывод, что исполнительные листы могут выдаваться судом. При этом в ходе исполнительного производства по данным исполнительным листам допустимо совершение действий по ограничению распоряжения имуществом должника, предусмотренных законодательством об исполнительном производстве.

Вопрос 11: Подлежат ли восстановлению сроки, предусмотренные Законом о банкротстве, пропущенные в связи с возникновением обстоятельств, послуживших основанием для введения моратория?

Ответ: Принимая во внимание складывающуюся ситуацию, связанную с распространением на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции, и принятие Президентом Российской Федерации ряда мер, в числе которых объявление нерабочих дней и ограничение работы организаций (Указы Президента Российской Федерации от 25 марта 2020 г. № 206 и от 2 апреля 2020 г. № 239), судам следует иметь в виду, что восстановление сроков на предъявление кредиторами требований по делу о банкротстве и (или) признание соблюденными сроков на совершение иных действий по делу о банкротстве производится с учетом фактических обстоятельства каждого конкретного дела.

IV. Вопросы применения уголовного законодательства

Вопрос 12: Относятся ли обстоятельства распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на территории Российской Федерации к обстоятельствам, представляющим угрозу жизни и безопасности граждан, на которые указано в примечании к статье 207.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) и в пункте 2 примечаний к статье 13.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ)?

Ответ: Да, относятся, поскольку распространение новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на территории Российской Федерации в настоящее время повлекло и может еще повлечь человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения, и на противодействие ее распространению направлены принимаемые меры по обеспечению безопасности населения и территорий.

Вопрос 13: Каковы критерии разграничения административной ответственности за правонарушения, предусмотренные частями 9 и 10 статьи 13.15 КоАП РФ, и уголовной ответственности по статье 207.1 УК РФ в случаях распространения физическим лицом в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях заведомо недостоверной информации о новой коронавирусной инфекции (COVID-19) под видом достоверных сообщений?

Ответ: Действия физического лица могут содержать признаки уголовно наказуемого деяния и квалифицироваться по статье 207.1 УК РФ в случаях, когда они состоят в публичном распространении под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, в том числе об обстоятельствах распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на территории Российской Федерации, и (или) о принимаемых в связи с этим мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств, и такое распространение заведомо ложной информации с учетом условий, в которых оно осуществляется, цели и мотивов совершаемых действий (например, для того, чтобы спровоцировать панику среди населения, нарушения правопорядка), представляет реальную общественную опасность и причиняет вред охраняемым уголовным законом отношениям в сфере обеспечения общественной безопасности. При этом публичный характер распространения заведомо ложной информации может проявляться не только в использовании для этого средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей, но и в распространении такой информации путем выступления на собрании, митинге, распространения листовок, вывешивания плакатов и т.п.

Вопрос 14: Возможна ли уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации, указанной в диспозиции статьи 207.1 УК РФ, если оно совершено до вступления в силу Федерального закона от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ, устанавливающего преступность этого деяния, но пресечено в период, когда указанная статья уже действовала? Наступает ли ответственность по статье 207.2 УК РФ за публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, совершенное до вступления в силу Федерального закона от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ, в случаях, когда последствия этих действий в виде причинения вреда здоровью человека, смерти человека или иные тяжкие последствия наступили после вступления его в силу?

Ответ: При решении вопроса о том, являются ли рассматриваемые действия уголовно наказуемыми, следует учитывать положения статьи 9 УК РФ, со-

гласно которым преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния (часть 1), при этом временем совершения преступления признается время совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий (часть 2).

Лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности за распространение заведомо ложной информации, указанной в диспозициях статьи 207.1 или статьи 207.2 УК РФ, если деяние этим лицом совершено до вступления в силу Федерального закона от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ, т.е. до 1 апреля 2020 года, в том числе и в случаях, когда общественно опасные последствия, предусмотренные статьей 207.2 УК РФ, наступили в период действия нового уголовного закона. Если публичное распространение заведомо ложной информации начато до вступления в силу Федерального закона от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ и продолжалось после установления уголовной ответственности, то уголовно наказуемыми могут быть признаны только те действия, которые были совершены в период начиная с 1 апреля 2020 года, при этом обязательным условием ответственности по статье 207.2 УК РФ является наступление общественно опасных последствий, состоящих в причинной связи с такими действиями.

Вопрос 15: Можно ли отнести к общественно значимой информации применительно к диспозиции статьи 207.2 УК РФ информацию об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых в связи с этим мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств, являющуюся предметом преступления, предусмотренного статьей 207.1 УК РФ?

Ответ: По смыслу уголовного закона предмет преступления, предусмотренного статьей 207.2 УК РФ, является более широким по отношению к предмету преступления, предусмотренного статьей 207.1 УК РФ. В частности, согласно части 1.1 статьи 15.3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (в редакции от 3 апреля 2020 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» общественно значимой признается информация, которая создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи.

Поэтому к общественно значимой информации может быть отнесена также информация об обстоя-

тельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых в связи с этим мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств.

С учетом этого публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, о которой идет речь в примечании к статье 207.1 УК РФ, повлекшее по неосторожности причинение вреда здоровью человека, смерть человека или иные тяжкие последствия, квалифицируется по соответствующей части статьи 207.2 УК РФ. Если в результате этих действий указанные последствия не наступили, содеянное надлежит квалифицировать по статье 207.1 УК РФ.

Вопрос 16: Каковы критерии разграничения административной ответственности, предусмотренной частями 10.1 и 10.2 статьи 13.15 КоАП РФ, и уголовной ответственности, предусмотренной статьями 207.1 и 207.2 УК РФ?

Ответ: Такое разграничение следует проводить по субъекту правонарушения. Административная ответственность за деяния, предусмотренные частями 10.1 и 10.2 статьи 13.15 КоАП РФ, установлена только для юридических лиц. Граждане, в том числе должностные лица, руководители юридического лица, при наличии в их действиях состава преступления, предусмотренного статьями 207.1 или 207.2 УК РФ, могут быть привлечены к уголовной ответственности.

V. Вопросы применения законодательства об административных правонарушениях

Вопрос 17: В каких случаях граждане, должностные лица, лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, юридические лица подлежат привлечению к административной ответственности по части 1 статьи 20.6.1 КоАП РФ?

Ответ: Объективная сторона состава административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 20.6.1 КоАП РФ, выражается в невыполнении правил поведения при введении режима повышенной готовности на территории, на которой существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации, или в зоне чрезвычайной ситуации, за исключением случаев, предусмотренных частью 2 статьи 6.3 названного кодекса.

Правительство Российской Федерации устанавливает обязательные для исполнения гражданами и организациями правила поведения при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации (подпункт «а.2» пункта «а» статьи 10 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ (в редакции от 1 апреля 2020 г.) «О защите населения

и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»).

Такие правила утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 2 апреля 2020 г. № 417 (далее — Правила).

Правила предусматривают в том числе, что при введении режима повышенной готовности на территории, на которой существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации, граждане обязаны выполнять законные требования должностных лиц, осуществляющих мероприятия по предупреждению чрезвычайных ситуаций; при угрозе возникновения чрезвычайной ситуации гражданам запрещается осуществлять действия, создающие угрозу собственной безопасности, жизни и здоровью, а также осуществлять действия, создающие угрозу безопасности, жизни и здоровью, санитарно-эпидемиологическому благополучию иных лиц, находящихся на территории, на которой существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации (подпункт «б» пункта 3, подпункты «в», «г» пункта 4 Правил).

Органы государственной власти субъектов Российской Федерации принимают в соответствии с федеральными законами законы и иные нормативные правовые акты в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций межмуниципального и регионального характера и обязательные для исполнения гражданами и организациями правила поведения при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации, а также с учетом особенностей чрезвычайной ситуации на территории субъекта Российской Федерации или угрозы ее возникновения во исполнение правил поведения, установленных в соответствии с подпунктом «а.2» пункта «а» статьи 10 названного федерального закона, могут предусматривать дополнительные обязательные для исполнения гражданами и организациями правила поведения при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации (подпункт «б» пункта 6 статьи 4.1, пункты «а», «у», «ф» части 1 статьи 11 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ (в редакции от 1 апреля 2020 г.) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»).

В развитие приведенных выше положений законодательства Российской Федерации в субъектах Российской Федерации приняты нормативные правовые акты в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, например: Указ Мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ «О введении режима повышенной готовности» (в редакции Указа Мэра Москвы от 10 апреля 2020 г. № 42-УМ), Постановление Губернатора Московской области от 12 марта 2020 г. № 108-ПГ (в редакции от 12 апреля 2020 г. № 178-ПГ) «О введении в Московской области режима

повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» и др.

Граждане Российской Федерации обязаны соблюдать законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, выполнять установленные правила поведения при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации (статья 19 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ (в редакции от 1 апреля 2020 г.) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»).

Из анализа приведенных норм в их системной взаимосвязи следует, что граждане, должностные лица, лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, юридические лица подлежат привлечению к административной ответственности по части 1 статьи 20.6.1 КоАП РФ как за нарушение Правил, так и за нарушение обязательных, а также дополнительных обязательных для исполнения гражданами и организациями правил поведения при введении на территории субъекта Российской Федерации режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации.

Так, по части 1 статьи 20.6.1 КоАП РФ, например, подлежат квалификации действия физического лица, выразившиеся в нарушении подпункта 3.2.4 пункта 3.2 раздела 3, пунктов 12.1, 12.3 раздела 12 Указа Мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ «О введении режима повышенной готовности» (в редакции Указа Мэра Москвы от 10 апреля 2020 г. № 42-УМ), принятого в развитие положений Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», или индивидуального предпринимателя, юридического лица, выразившиеся в нарушении подпунктов 3.2.1, 3.2.2, 3.2.3 пункта 3.2 раздела 3 названного Указа и др.

При этом судам необходимо учитывать, что нарушение подпункта 2.3 пункта 2 постановления Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 18 марта 2020 г. № 7 «Об обеспечении режима изоляции в целях предотвращения распространения COVID-2019» о выполнении требования по изоляции в домашних условиях, а также подпункта 3.2.4 пункта 3.2 раздела 3 Указа Мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ «О введении режима повышенной готовности» (в редакции Указа Мэра Москвы от 10 апреля 2020 г. № 42-УМ) о временном

приостановлении посещения гражданами территорий общегородского значения, допущенного лицом, прибывшим на территорию Российской Федерации из иностранного государства, необходимо квалифицировать по части 2 статьи 6.3 КоАП РФ, которая является специальной по отношению к части 1 статьи 20.6.1 КоАП РФ.

При решении вопроса о назначении лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, предусмотренном частью 1 статьи 20.6.1 КоАП РФ, административного наказания конкретного вида и размера необходимо руководствоваться положениями главы 4 КоАП РФ и иметь в виду, что такое наказание должно отвечать требованиям пропорциональности, справедливости и соразмерности, индивидуализации административной ответственности, а также соответствовать целям предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами.

Вопрос 18: Должностные лица каких органов имеют право составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных частью 1 статьи 20.6.1 КоАП РФ?

Ответ: В соответствии с пунктом 18 части 5 и частью 6.4 статьи 28.3 КоАП РФ протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных частью 1 статьи 20.6.1 КоАП РФ, вправе составлять:

— должностные лица, указанные в Перечне должностных лиц органов управления и сил единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, включая должностных лиц органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, имеющих право составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных частью 1 статьи 20.6.1 КоАП РФ (утвержден Распоряжением Правительства Российской Федерации от 12 апреля 2020 г. № 975-р);

— должностные лица органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, перечень которых утверждается высшим должностным лицом (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта Российской Федерации. Такие перечни установлены, например, Указом Мэра Москвы от 4 апреля 2020 г. № 40-УМ «Об особенностях применения мер ответственности за нарушение организациями и индивидуальными предпринимателями режима повышенной готовности в городе Москве», Постановлением Губернатора Московской области от 12 марта 2020 г. № 108-ПГ (в редакции от 4 апреля 2020 г.) «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции

(COVID-2019) на территории Московской области», Указом Президента Республики Татарстан от 6 апреля 2020 г. № УП-224 «Об утверждении Перечня органов исполнительной власти Республики Татарстан и их должностных лиц, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях» и др.

Вопрос 19: Каков срок давности привлечения к административной ответственности по делам об административных правонарушениях, предусмотренных частью 1 статьи 20.6.1 КоАП РФ?

Ответ: Административные правонарушения, ответственность за которые установлена частью 1 статьи 20.6.1 КоАП РФ, являются длящимися.

В соответствии с частью 1 статьи 4.5 КоАП РФ срок давности привлечения к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренных частью 1 статьи 20.6.1 КоАП РФ, составляет 3 месяца и исчисляется с момента их обнаружения.

Вопрос 20: Какой субъект административной юрисдикции рассматривает дела об административных правонарушениях, предусмотренных частью 1 статьи 20.6.1 КоАП РФ, как определяются место рассмотрения указанных дел и место совершения правонарушения?

Ответ: Дела об административных правонарушениях, предусмотренных частью 1 статьи 20.6.1 КоАП РФ, рассматриваются судьями районных судов (часть 3 статьи 23.1 КоАП РФ).

Дела об административных правонарушениях, предусмотренных частью 1 статьи 20.6.1 КоАП РФ, подлежат рассмотрению по месту совершения таких правонарушений. При этом местом совершения административных правонарушений данной категории является место их выявления.

В случае проведения по делу об административном правонарушении, предусмотренном частью 1 статьи 20.6.1 КоАП РФ, административного расследования такое дело рассматривается по месту нахождения органа, проводившего административное расследование (часть 1 статьи 28.7, часть 2 статьи 29.5 КоАП РФ).

Вопрос 21: Кому может быть назначено административное наказание в виде предупреждения за совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 20.6.1 КоАП РФ?

Ответ: Санкция части 1 статьи 20.6.1 КоАП РФ предусматривает предупреждение или наложение административного штрафа на граждан в размере от одной тысячи до тридцати тысяч рублей; на должностных лиц — от десяти тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, — от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на юридических лиц — от ста тысяч до трехсот тысяч рублей.

Исходя из содержания названной нормы, административное наказание в виде предупреждения может быть назначено любому субъекту административного правонарушения (гражданину, должностному лицу, лицу, осуществляющему предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, юридическому лицу), предусмотренного названной нормой, в зависимости от конкретных обстоятельств дела об административном правонарушении.

Вопрос 22: Какая категория физических лиц подлежит привлечению к административной ответственности по части 2 статьи 6.3 КоАП РФ в связи с угрозой распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)?

Ответ: Частью 2 статьи 6.3 КоАП РФ установлена административная ответственность за нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, выразившееся в нарушении действующих санитарных правил и гигиенических нормативов, невыполнении санитарно-гигиенических и противоэпидемических мероприятий, совершенных в период режима чрезвычайной ситуации или при возникновении угрозы распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, либо в период осуществления на соответствующей территории ограничительных мероприятий (карантина), либо невыполнение в установленный срок выданного в указанные периоды законного предписания (постановления) или требования органа (должностного лица), осуществляющего федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор, о проведении санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий.

Перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих, утверждается Правительством Российской Федерации исходя из высокого уровня первичной инвалидности и смертности населения, снижения продолжительности жизни заболевших.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 31 января 2020 г. № 66 коронавирусная инфекция (2019-nCoV) внесена в Перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих.

Больные инфекционными заболеваниями, лица с подозрением на такие заболевания и контактировавшие с больными инфекционными заболеваниями лица, а также лица, являющиеся носителями возбудителей инфекционных болезней, подлежат лабораторному обследованию и медицинскому наблюдению или лечению и в случае, если они представляют опасность для окружающих, обязательной госпитализации или изоляции в порядке, установленном законодательством Российской Федерации (часть 1 статьи 33 Федерального закона от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»).

При выявлении нарушения санитарного законодательства, а также при угрозе возникновения и распространения инфекционных заболеваний и массовых неинфекционных заболеваний (отравлений) должностные лица, осуществляющие федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор, имеют право выдавать, в частности, гражданам предписания, обязательные для исполнения ими в установленные сроки, об устранении выявленных нарушений санитарно-эпидемиологических требований, о проведении дополнительных санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий, а также при угрозе возникновения и распространения инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих; главные государственные санитарные врачи и их заместители наделяются полномочиями выносить мотивированные постановления о госпитализации для обследования или об изоляции больных инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих, и лиц с подозрением на такие заболевания, а также о проведении обязательного медицинского осмотра, госпитализации или об изоляции граждан, находившихся в контакте с больными инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих (пункт 2 статьи 50, пункт 6 части 1 статьи 51 Федерального закона от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»).

Таким образом, федеральный законодатель допускает медицинское вмешательство, а также принятие изоляционных мер различного характера в отношении названных выше лиц в порядке, установленном законодательством.

Соблюдение санитарных правил, санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий является обязательным для граждан, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц (часть 3 статьи 39 Федерального закона от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», пункты 1.3, 2.6, 2.7, 10.1, 13.1 Санитарно-эпидемиологических правил СП 3.1/3.2.3146-13 «Общие требования по профилактике инфекционных и паразитарных болезней», утвержденных постановлением врио Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 16 декабря 2013 г. № 65).

Исходя из толкования приведенных выше норм в их системной взаимосвязи, привлечению к административной ответственности по части 2 статьи 6.3 КоАП РФ в связи с угрозой распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) подлежат в том числе лица с подозрением на наличие заразной формы инфекционного заболевания, лица, прибывшие на территорию Российской Федерации в том числе из государства, эпидемически неблагополучного по коронавирусной инфекции, лица, находящиеся или

находившиеся в контакте с источником заболевания, в контакте с лицами с подозрением на наличие заразной формы инфекционного заболевания, лица, уклоняющиеся от лечения опасного инфекционного заболевания, нарушающие санитарно-противоэпидемический режим, а также не выполнившие в установленный срок выданное в периоды, указанные в части 2 статьи 6.3 КоАП РФ, законное предписание (постановление) или требование органа (должностного лица), осуществляющего федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор.

Так, например, по части 2 статьи 6.3 КоАП РФ подлежат квалификации действия физического лица, прибывшего на территорию Российской Федерации и нарушившего требования по изоляции в домашних условиях (подпункт 2.3 пункта 2 постановления Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 18 марта 2020 г. № 7 «Об обеспечении режима изоляции в целях предотвращения распространения COVID-2019»).

Вместе с тем при решении вопроса о назначении лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, предусмотренном частью 2 статьи 6.3 КоАП РФ, административного наказания конкретного вида и размера необходимо руководствоваться положениями главы 4 КоАП РФ и иметь в виду, что такое наказание должно отвечать требованиям пропорциональности, справедливости и соразмерности, индивидуализации административной ответственности, а также соответствовать целям предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами.

Вопрос 23: Должностные лица каких органов имеют право составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных частью 2 статьи 6.3 КоАП РФ?

Ответ: Протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных частью 2 статьи 6.3 КоАП РФ, вправе составлять:

— должностные лица органов внутренних дел (полиции) (пункт 1 части 2 статьи 28.3 КоАП РФ);

— должностные лица органов, осуществляющих федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор (пункт 19 части 2 статьи 28.3 КоАП РФ).

Вопрос 24: Каков срок давности привлечения к административной ответственности по делам об административных правонарушениях, предусмотренных частью 2 статьи 6.3 КоАП РФ?

Ответ: Административные правонарушения, ответственность за которые установлена частью 2 статьи 6.3 КоАП РФ, являются длящимися.

В соответствии с частью 1 статьи 4.5 КоАП РФ срок давности привлечения к административной

ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 2 статьи 6.3 КоАП РФ, составляет 1 год и исчисляется с момента обнаружения административного правонарушения.

Вопрос 25: Какой субъект административной юрисдикции рассматривает дела об административных правонарушениях, предусмотренных частью 2 статьи 6.3 КоАП РФ, как определяются место рассмотрения указанных дел и место совершения правонарушения?

Ответ: Дела об административных правонарушениях, предусмотренных частью 2 статьи 6.3 КоАП РФ, рассматриваются судьями районных судов (часть 3 статьи 23.1 КоАП РФ).

Дела об административных правонарушениях, предусмотренных частью 2 статьи 6.3 КоАП РФ, подлежат рассмотрению по месту совершения таких правонарушений. При этом местом совершения административных правонарушений данной категории является место их выявления.

В случае проведения по делу об административном правонарушении, предусмотренном частью 2 статьи 6.3 КоАП РФ, административного расследования такое дело рассматривается по месту нахождения органа, проводившего административное расследование (часть 1 статьи 28.7, часть 2 статьи 29.5 КоАП РФ).

Данная категория дел об административных правонарушениях может быть рассмотрена с использованием систем видео-конференц-связи (статья 29.14 КоАП РФ).

Вопрос 26: Какой день является датой вступления в силу постановления по делу об административном правонарушении, если окончание срока обжалования такого постановления приходится на день, объявленный нерабочим указами Президента Российской Федерации от 25 марта 2020 г. № 206 и от 2 апреля 2020 г. № 239?

Ответ: При исчислении соответствующих сроков вступления в силу постановлений по делам об административных правонарушениях следует учитывать, что в соответствии с частью 2 статьи 4.8 КоАП РФ срок, исчисляемый сутками, истекает в 24 часа последних суток.

Постановление по делу об административном правонарушении вступает в законную силу после истечения срока, установленного для обжалования постановления по делу об административном правонарушении, если указанное постановление не было обжаловано или опротестовано (пункт 1 статьи 31.1 КоАП РФ).

Такой срок установлен частью 1 статьи 30.3 КоАП РФ, согласно которой жалоба на постановление по делу об административном правонарушении может быть подана в течение десяти суток со дня вручения или получения копии постановления.

Исходя из толкования статей 4.8, 30.3 и 31.1 КоАП РФ, постановление по делу об административном правонарушении вступает в законную силу, если оно не было обжаловано (опротестовано), по истечении десяти суток со дня вручения или получения копии постановления.

В том случае, если окончание срока обжалования постановления по делу об административном правонарушении приходится на день, объявленный нерабочим указами Президента Российской Федерации от 25 марта 2020 г. № 206 и от 2 апреля 2020 г. № 239, последний день такого срока не переносится на следующий рабочий день, а постановление вступает в законную силу на следующий день по истечении названного срока.

При этом судам необходимо учитывать, что, устанавливая срок для подачи жалобы (принесения протеста) на постановление по делу об административном правонарушении, КоАП РФ допускает возможность восстановления данного срока в случае его пропуска по ходатайству лица, подающего жалобу (приносящего протест).

Так, в случае пропуска срока, предусмотренного частью 1 статьи 30.3 КоАП РФ, указанный срок по ходатайству лица, подающего жалобу, может быть восстановлен судьей или должностным лицом, правомочным рассматривать жалобу (часть 2 статьи 30.3 КоАП РФ).

Ходатайство заявляется в письменной форме (часть 2 статьи 24.4 КоАП РФ).

Учитывая, что иных требований к оформлению ходатайств по делам об административных правонарушениях, помимо предусмотренных в части 2 статьи 24.4 КоАП РФ, законодательство Российской Федерации об административных правонарушениях не предусматривает, ходатайство о восстановлении пропущенного срока может как содержаться в тексте жалобы на постановление по делу об административном правонарушении, так и быть подано в виде самостоятельного документа.

При этом ходатайство должно содержать указание на причины пропуска срока обжалования постановления по делу об административном правонарушении.

Уважительными причинами могут быть признаны обстоятельства, которые объективно препятствовали или исключали своевременную подачу жалобы, например, нахождение лица на лечении в медицинском учреждении, применение к лицу изоляционных мер различного характера в порядке, предусмотренном законодательством в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения или мер ограничительного характера, примененных в соответствии с законодательством о защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Постановление Конституционного Суда РФ от 28 апреля 2020 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статей 15 и 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Музыка»

Именем Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, В.Г. Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47.1, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности положений статей 15 и 1064 ГК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина А.Н. Музыка. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика С.М. Казанцева, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. В соответствии со статьей 15 ГК Российской Федерации лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере (пункт 1). Общие основания ответственности за вред, причиненный личности или имуществу гражданина,

а также вред, причиненный имуществу юридического лица, устанавливаются статьей 1064 данного Кодекса.

1.1. Оспаривающий конституционность приведенных норм гражданин А.Н. Музыка приговором мирового судьи судебного участка № 37 города Ангарска и Ангарского района Иркутской области от 7 июля 2015 года был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью первой статьи 116 УК Российской Федерации (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ), и ему назначено наказание в виде штрафа в размере 5 000 руб. На основании пункта 9 постановления Государственной Думы от 24 апреля 2015 года № 6576-6 ГД «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» от назначенного наказания он был освобожден. В соответствии с пунктом 12 названного постановления судимость с него была снята.

Апелляционным постановлением Ангарского городского суда Иркутской области от 27 января 2016 года указанный приговор был отменен, уголовное дело направлено на новое судебное разбирательство со стадии подготовки к судебному разбирательству в ином составе судей.

Постановлением мирового судьи судебного участка № 36 города Ангарска и Ангарского района Иркутской области от 22 сентября 2016 года производство по уголовному делу частного обвинения и уголовное преследование по обвинению А.Н. Музыка в совершении преступления, предусмотренного частью первой статьи 116 УК Российской Федерации, прекращено на основании пункта 2 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации в связи с отсутствием в его деянии состава преступления, поскольку преступность и наказуемость вменяемого ему деяния

была устранена вступившим в силу Федеральным законом от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности».

Частный обвинитель — гражданка П., признанная потерпевшей по данному уголовному делу, обратилась с заявлением о взыскании с А.Н. Музыки судебных расходов, понесенных ею на оплату услуг представителя (адвоката) в сумме 75 000 руб., которое постановлением мирового судьи судебного участка № 36 города Ангарска и Ангарского района Иркутской области от 9 марта 2017 года на основании части первой статьи 132 УПК Российской Федерации было удовлетворено частично — в размере 20 000 руб.

Апелляционным постановлением Ангарского городского суда Иркутской области от 20 июня 2017 года указанное постановление мирового судьи было отменено, материалы уголовного дела в части взыскания судебных расходов на оплату услуг представителя (адвоката) переданы на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции (другому мировому судье). Принимая такое решение, суд апелляционной инстанции, в частности, пришел к выводу, что часть первая статьи 132 УПК Российской Федерации не подлежала применению в деле А.Н. Музыки, поскольку обвинительный приговор в отношении него вынесен не был. По результатам нового разбирательства постановлением мирового судьи судебного участка № 34 города Ангарска и Ангарского района Иркутской области от 4 сентября 2017 года производство по заявлению частного обвинителя было прекращено в связи с невозможностью, по мнению суда, рассмотреть это заявление в порядке уголовного судопроизводства, так как нормы статьи 132 УПК Российской Федерации не регулируют вопросов возмещения потерпевшим расходов в связи с производством по уголовному делу частного обвинения, прекращенному вследствие акта амнистии либо отсутствия состава преступления. Также в названном постановлении мирового судьи было указано, что потерпевшая имеет право на обращение с иском заявлением в суд в порядке гражданского судопроизводства на основании статьи 15 ГК Российской Федерации.

Решением Ангарского городского суда Иркутской области от 29 ноября 2017 года, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Иркутского областного суда от 27 марта 2018 года, с А.Н. Музыки в поль-

зу П. на основании статей 15 и 1064 ГК Российской Федерации были взысканы в возмещение материального ущерба расходы на оплату услуг представителя (адвоката) по уголовному делу частного обвинения в размере 75 000 руб., а также судебные расходы по гражданскому делу. Определениями судьи Иркутского областного суда от 10 августа 2018 года и судьи Верховного Суда Российской Федерации от 20 ноября 2018 года в передаче кассационных жалоб заявителя для рассмотрения в судебных заседаниях судов кассационной инстанции было отказано.

По мнению А.Н. Музыки, оспариваемые законоположения противоречат статьям 19 (части 1 и 2), 23 (часть 1), 49, 55 (части 2 и 3) и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации в той части, в какой они по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, позволяют суду при разрешении в рамках гражданского судопроизводства вопроса о взыскании с обвиняемого расходов потерпевшего на оплату услуг представителя (адвоката) по уголовному делу частного обвинения, прекращенному вследствие декриминализации деяния, взыскивать эти расходы в полном размере с обвиняемого, чья вина не была доказана в порядке уголовного судопроизводства, а также оценивать размер подлежащей взысканию суммы без учета предшествующего процессуального поведения участников уголовного процесса, допуская тем самым ухудшение положения данного лица, обратившегося с жалобой.

Учитывая, что конституционность положений статей 15 и 1064 ГК Российской Федерации оспаривается А.Н. Музыкой в связи с взысканием с него процессуальных издержек по уголовному делу частного обвинения, а понятие данных издержек и условия их взыскания закреплены Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, в частности его статьями 131 и 132, то надлежащая конституционно-правовая оценка оспариваемых норм в настоящем деле возможна лишь в нормативном единстве с указанными законоположениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

1.2. Согласно статьям 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации принимает к рассмотрению жалобу гражданина на нарушение его конституционных прав и свобод законом, примененным в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде, если придет к выводу, что оспариваемые законоположения затрагивают конституционные права и свободы заявителя и что имеется неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли эти законоположения Консти-

туции Российской Федерации. Конституционный Суд Российской Федерации принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются взаимосвязанные положения статей 15 и 1064 ГК Российской Федерации в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования на их основании решается вопрос о взыскании с обвиняемого расходов потерпевшего на оплату услуг представителя (адвоката) по уголовному делу частного обвинения, прекращенному за отсутствием в его действиях состава преступления в связи с декриминализацией деяния.

2. Признавая человека, его права и свободы высшей ценностью, определяющей смысл, содержание и применение законов, Конституция Российской Федерации гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод, а также право на получение квалифицированной юридической помощи, при этом в случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно (статья 2 и 18; статья 46, часть 1; статья 48, часть 1).

Право на судебную защиту, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, предполагает наличие гарантий, позволяющих реализовать его в полном объеме и обеспечить эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего общеправовым требованиям равенства и справедливости. Вместе с тем из этого не следует возможность выбора гражданином по своему усмотрению способов и процедур судебной защиты, которые определяются федеральными законами с учетом особенностей отдельных категорий дел. Соответственно, на федеральном законодательстве лежит обязанность по созданию полноценного законодательного механизма реализации права на судебную защиту (постановления от 22 апреля 2011 года № 5-П, от 21 января 2019 года № 6-П и др.).

При осуществлении правового регулирования, в том числе при определении в уголовно-процессуальном законе правил компенсации расходов, связанных с производством по уголовному делу, федеральный законодатель должен руководствоваться общими принципами права, такими как равенство и спра-

ведливость, и следовать требованиям Конституции Российской Федерации, закрепляющей в ее статье 35 (части 1 и 3) гарантии права собственности, в силу которых право частной собственности охраняется законом и никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда, с учетом того что данное право не является абсолютным и может быть ограничено федеральным законом в конституционно значимых целях, перечисленных в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

3. Из права на судебную защиту вытекает общий принцип, в силу которого правосудие нельзя было бы признать отвечающим требованиям равенства и справедливости, если расходы, понесенные в связи с судебным разбирательством, ложились бы на лицо, вынужденное прибегнуть к судебному механизму обеспечения принудительной реализации своих прав, свобод и законных интересов, осуществление которых из-за действий (бездействия) другого лица оказалось невозможно, ограничено или сопряжено с несением неких дополнительных бремени. При этом не исключается дифференциация федеральным законодателем правил распределения судебных расходов, которые могут иметь свою специфику, в частности в зависимости от объективных особенностей конкретных судебных процедур и лежащих в их основе материальных правоотношений (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июля 2017 года № 20-П).

Суммы, выплачиваемые потерпевшему на покрытие расходов, связанных с выплатой вознаграждения представителю потерпевшего, согласно пункту 1.1 части второй статьи 131 УПК Российской Федерации, включаются в состав процессуальных издержек. По смыслу статьи 131 данного Кодекса судебные издержки представляют собой денежные суммы в возмещение необходимых и оправданных расходов, неполученных доходов, а также вознаграждение и выплаты, которые причитаются к уплате физическим и юридическим лицам, вовлеченным в уголовное судопроизводство в качестве участников или иным образом привлекаемым к решению стоящих перед ним задач (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2008 года № 1036-О-П).

При этом часть третья статьи 42 УПК Российской Федерации гарантирует потерпевшему возмещение расходов, понесенных в связи с его участием в ходе предварительного расследования и в суде, включая расходы на представителя, согласно требованиям статьи 131 данного Кодекса. В силу статей 131 и 132 УПК Российской Федерации процессуальные издержки по

делам публичного и частно-публичного обвинения взыскиваются с осужденных или возмещаются за счет средств федерального бюджета. В тех случаях, когда процессуальные издержки возмещаются за счет федерального бюджета, порядок и размеры возмещения таких издержек, связанных с производством по уголовному делу, регламентируются Постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2012 года № 1240 «О порядке и размере возмещения процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых актов Совета Министров РСФСР и Правительства Российской Федерации». Возможность же возмещения расходов потерпевшего на оплату услуг представителя по уголовному делу частного обвинения, прекращенному за отсутствием состава преступления в связи с декриминализацией деяния, данным Постановлением не закреплена.

По делам частного обвинения, к которым отнесены дела о преступлениях, предусмотренных частью второй статьи 20 УПК Российской Федерации, возбуждаемые в отношении конкретного лица (лиц) не иначе как путем подачи потерпевшим, его законным представителем заявления в суд (часть первая статьи 318 данного Кодекса), процессуальные издержки возмещаются за счет средств федерального бюджета или взыскиваются с осужденных или частных обвинителей. Взыскание названных издержек с подозреваемых и обвиняемых лиц, чья вина не была установлена приговором суда, статьями 131 и 132 УПК Российской Федерации не предусмотрено. При оправдании подсудимого по уголовному делу частного обвинения суд вправе взыскать процессуальные издержки полностью или частично с лица, по жалобе которого было начато производство по данному уголовному делу; при прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон процессуальные издержки взыскиваются с одной или обеих сторон (часть девятая статьи 132 этого же Кодекса).

Таким образом, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не во всех случаях предусматривает возможность возмещения судебных расходов потерпевшего (частного обвинителя), в том числе связанных и с выплатой вознаграждения представителю потерпевшего. В случаях, предусмотренных частью девятой статьи 132 данного Кодекса, частный обвинитель не только лишается права на

возмещение собственных судебных расходов, но и должен возместить обвиняемому понесенные им расходы либо разделить их с обвиняемым. В случае же прекращения уголовного дела частного обвинения по такому основанию, как декриминализация деяния, уголовно-процессуальное законодательство не содержит специальных предписаний о порядке взыскания (или возмещения) указанных расходов частного обвинителя.

Обращаясь к вопросу судебных расходов частного обвинителя на оплату услуг представителя, Конституционный Суд Российской Федерации в определениях от 20 декабря 2018 года № 3354-О и от 29 января 2019 года № 19-О об отказе в принятии к рассмотрению жалоб граждан, выступивших в качестве частных обвинителей по уголовным делам и не получивших возмещение процессуальных издержек, понесенных на оплату услуг представителя, пришел к выводу, в частности, о том, что статья 132 УПК Российской Федерации не исключает право потерпевшего (частного обвинителя) на возмещение расходов на представителя в порядке уголовно-процессуального производства в случае прекращения уголовного дела при декриминализации деяния. В приведенных определениях учитывалась позиция Пленума Верховного Суда Российской Федерации, разъяснившего в постановлении от 19 декабря 2013 года № 42 «О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам», что если в отношении обвиняемого уголовное дело или уголовное преследование прекращается, в том числе по нереабилитирующим основаниям, то процессуальные издержки возмещаются за счет средств федерального бюджета, за исключением случая, предусмотренного частью девятой названной статьи (пункт 5.1).

Исходя из того, что конституционные требования о государственной защите прав потерпевшего, обеспечении его права на доступ к правосудию и на возмещение причиненного ему ущерба, включая связанные с производством по уголовному делу расходы, реализуются вне зависимости от того, какой порядок уголовного преследования установлен федеральным законодателем и наделен ли потерпевший дополнительными правами частного обвинителя, субъектом, на которого возлагается обязанность компенсировать расходы частного обвинителя на представителя по делу, которое было прекращено в связи с декриминализацией деяния, является не обвиняемый, а государство. Соответственно, исключается возможность взыскания с лица, являвшегося обвиняемым в совершении преступления, расходов частного обвинителя на оплату услуг представителя.

Такого же понимания норм уголовно-процессуального законодательства придерживаются и представители сторон, принимавших участие в принятии и подписании Гражданского кодекса Российской Федерации. В представленных ими в Конституционный Суд Российской Федерации письменных отзывах указано, что оспариваемые положения не предполагают возможности возложения на лиц, уголовное преследование в отношении которых было прекращено, обязанности возместить процессуальные издержки, так как они подлежат возмещению за счет средств федерального бюджета в порядке уголовного судопроизводства, т.е. по своему буквальному смыслу нормы статей 15 и 1064 ГК Российской Федерации не нарушают конституционных прав граждан, в отношении которых уголовное преследование было прекращено, и не противоречат Конституции Российской Федерации, поскольку не подлежат применению в делах о возмещении процессуальных издержек.

Данный подход находит отражение и в решениях судов общей юрисдикции (в частности, в постановлении президиума Алтайского краевого суда от 20 декабря 2016 года № 44У-146/2016 и апелляционном определении судебной коллегии по гражданским делам Свердловского областного суда от 3 марта 2017 года № 33-2963/2017).

3.1. Вместе с тем, как следует из представленных заявителем материалов, в судебной практике неопределенность в регулировании вопроса возмещения расходов, понесенных на оплату услуг представителя, в случае прекращения уголовного дела частного обвинения при декриминализации деяния позволяет отказывать в возмещении таких расходов за счет средств федерального бюджета в порядке уголовного судопроизводства.

Так, суды при рассмотрении дела с участием А.Н. Музыки исходили из того, что поскольку нормы статей 131 и 132 УПК Российской Федерации не регулируют вопросов возмещения потерпевшим расходов в связи с производством по уголовному делу частного обвинения, прекращенному вследствие акта амнистии либо отсутствия состава преступления, то возмещение таких расходов потерпевшему (частному обвинителю) может быть осуществлено за счет гражданско-правовых механизмов возмещения ущерба. При этом обязанность по возмещению процессуальных издержек должна лежать на лице, совершившем декриминализованное, но остающееся противоправным деяние. Эти расходы подлежат взысканию с такого лица в гражданском процессуальном порядке на основании статей 15 и 1064 ГК Российской Федерации.

Такого подхода придерживались также и суды общей юрисдикции при рассмотрении аналогичных дел (апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Марий Эл от 24 июля 2012 года № 33-1152, апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Свердловского областного суда от 8 февраля 2018 года № 33-1838/2018, апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам суда Еврейской автономной области от 20 июля 2018 года № 33-284/2018 и др.). Эта же позиция отражена и в отзыве полномочного представителя Правительства Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации и Верховном Суде Российской Федерации, поступившем на обращение А.Н. Музыки в Конституционный Суд Российской Федерации.

При этом суды учитывали следующие правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированные им по вопросам не уголовно-процессуального, а гражданского процессуального права либо выраженные им в ситуациях, когда отсутствовало соответствующее правовое регулирование.

Так, Конституционный Суд Российской Федерации указывал, что в случаях, когда возмещение судебных расходов законом не предусмотрено, лицо не лишено возможности добиваться возмещения причиненных ему убытков в самостоятельном процессе, если для этого имеются основания, предусмотренные статьей 15 ГК Российской Федерации, что соотносится с требованиями Конституции Российской Федерации, ее статьи 19 (часть 1) о равенстве всех перед законом и судом и статьи 35 (часть 1) об охране права частной собственности законом (постановления от 11 июля 2017 года № 20-П и от 21 января 2019 года № 6-П; определения от 20 февраля 2002 года № 220, от 25 ноября 2010 года № 1560-О-О, от 29 сентября 2011 года № 1150-О-О и др.). К тому же согласно части четвертой статьи 1 ГПК Российской Федерации в случае отсутствия нормы процессуального права, регулирующей отношения, возникшие в ходе гражданского судопроизводства, федеральные суды общей юрисдикции и мировые судьи применяют норму, регулирующую сходные отношения (аналогия закона) (Определение от 25 февраля 2010 года № 317-О-О).

С учетом этого, принимая решения, суды исходили из того, что возмещение судебных расходов частному обвинителю, признанному потерпевшим, обуславливается вынужденным характером понесенных им затрат в той мере, в какой он был поставлен перед необходимостью участия в судебном разбирательстве для отстаивания своих прав, свобод и законных

интересов, нарушенных лицом, привлеченным к уголовной ответственности. Соответственно, по их мнению, не может расцениваться как отступление от конституционных гарантий судебной защиты возмещение судебных расходов лицу, признанному потерпевшим, включая оплату услуг представителя, в порядке гражданского судопроизводства, если они не были и не могли быть возмещены в порядке уголовного судопроизводства.

3.2. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно отмечал, что положения пункта 1 статьи 1064 ГК Российской Федерации, обязывая возместить в полном объеме вред, причиненный личности или имуществу гражданина, в системе действующего правового регулирования направлены не на ограничение, а на защиту конституционных прав граждан (Определение от 10 февраля 2009 года № 370-О-О); положение пункта 2 той же статьи, закрепляющее в рамках общих оснований ответственности за причинение вреда презумпцию вины причинителя и возлагающее на него бремя доказывания своей невиновности, направлено на обеспечение возмещения вреда и тем самым — на реализацию интересов потерпевшего, в силу чего как само по себе, так и в системной связи с другими положениями главы 59 ГК Российской Федерации не может рассматриваться как нарушающее конституционные права граждан (определения от 28 мая 2009 года № 581-О-О и от 4 октября 2012 года № 1833-О). Статья 15 ГК Российской Федерации, направленная на защиту и обеспечение восстановления нарушенных прав участников гражданского оборота путем установления механизма возмещения причиненных им убытков и тем самым — на реализацию конституционного принципа неприкосновенности собственности, также не может сама по себе расцениваться как нарушающая в обозначенном в жалобе аспекте конституционные права заявителя.

Обязанность возместить причиненный вред является, как правило, мерой гражданско-правовой ответственности, которая применяется к причинителю вреда при наличии состава правонарушения, включающего наступление вреда, противоправность поведения причинителя вреда, причинную связь между противоправным поведением причинителя вреда и наступлением вреда, а также его вину (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июля 2009 года № 13-П и от 7 апреля 2015 года № 7-П). Касательно отношений по поводу возмещения имущественного вреда — как имеющих частноправовой характер — это означает, что данное правовое регулирование должно осуществляться главным образом в рамках гражданского законода-

тельства за счет присущего ему правового инструментария.

Применение же в судебной практике оспариваемых норм Гражданского кодекса Российской Федерации было обусловлено тем, что в случае совершения преступления, по которому возбуждается уголовное дело частного обвинения, если потерпевший обратится в суд с заявлением о привлечении виновного к уголовной ответственности и поручит представление своих интересов представителю (адвокату), он понесет в ходе рассмотрения уголовного дела соответствующие издержки. В связи с этим у потерпевшего возникает право на возмещение таких расходов в качестве убытков. Основанием возмещения судебных издержек по уголовному делу частного обвинения в случае его прекращения при декриминализации деяния является — по данной логике — не само по себе противоправное деяние, в связи с которым было возбуждено уголовное судопроизводство, а те убытки, которые вынужден нести потерпевший (частный обвинитель) в связи с данным уголовным процессом, направленным на восстановление его чести и достоинства, а также возмещение морального и материального вреда, причиненного противоправными деяниями правонарушителя.

Таким образом, оспариваемые нормы Гражданского кодекса Российской Федерации (в силу отсутствия в статьях 131 и 132 УПК Российской Федерации специальных предписаний о субъекте, на котором лежит обязанность возместить потерпевшему расходы на представителя в случае прекращения уголовного дела частного обвинения при декриминализации деяния), по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, допускают взыскание данных расходов в гражданском процессуальном порядке с лица, в отношении которого прекращено частное уголовное преследование.

3.3. Приведенное различное понимание смысла оспариваемых законоположений, в их системной связи с нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в части возмещения потерпевшему (частному обвинителю) судебных издержек по уголовному делу в случае его прекращения при декриминализации деяния — при том что ни одно из них само по себе как возможная модель регулирования в противоречие с Конституцией Российской Федерации не вступает — свидетельствует о неопределенности положений статей 15 и 1064 ГК Российской Федерации в рассматриваемом аспекте в системе действующего правового регулирования, которая порождает возможность их произвольного применения, не позволяет таким лицам предвидеть как уголовно-правовые, так и гражданско-правовые

последствия своего поведения, что противоречит принципам правовой определенности, равенства и справедливости, а потому не соответствует Конституции Российской Федерации.

Вместе с тем из Конституции Российской Федерации и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации следует, что при регулировании общественных отношений, включая отношения, связанные с судебной защитой права на возмещение судебных расходов, федеральный законодатель обязан руководствоваться вытекающим из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом общеправовым требованием определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы, поскольку конституционное равноправие может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования правовой нормы всеми правоприменителями; неопределенность содержания правовой нормы, напротив, допускает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и ведет к произволу, а значит — к нарушению не только принципов равенства и верховенства закона, но и установленных статьями 45 и 46 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации гарантий государственной, в том числе судебной, защиты прав, свобод и законных интересов граждан (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 1995 года № 3-П, от 29 июня 2012 года № 16-П и др.). Причем в данном случае таким образом затрагиваются права как лица, бывшего в деле частного обвинения потерпевшим, так и лица, бывшего в деле частного обвинения обвиняемым.

3.4. В жалобе А.Н. Музыка указывает также на нарушение судами принципа невозможности ухудшения положения обвиняемого в новом решении, принятом по его делу в порядке гражданского судопроизводства.

Правило о недопустимости поворота к худшему означает запрет изменять или отменять приговор суда непосредственно решением апелляционной инстанции по неблагоприятным для подсудимого основаниям лишь по его жалобе или жалобе, поданной в его интересах, и не исключает отмену приговора или изменение иного судебного решения в сторону ухудшения положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, не иначе как по представлению прокурора либо жалобе потерпевшего, частного обвинителя, их законных представителей и (или) представителей (статья 389.24 УПК Российской Федерации).

В гражданском процессе гарантиями процессуальных прав лиц являются процедуры проверки

судебных постановлений судами вышестоящих инстанций и основания для их отмены или изменения, которые, однако, не содержат правила недопустимости поворота к худшему.

Рассматривая искивые требования потерпевшей и принимая решение о взыскании в ее пользу с заявителя 75 000 руб. (что значительно превысило сумму удовлетворения ее требований как частного обвинителя о выплате процессуальных издержек, понесенных ею на оплату услуг представителя на основании статьи 132 УПК Российской Федерации), суды исходили из положений статей 15 и 1064 ГК Российской Федерации, а также статьи 67 ГПК Российской Федерации, которая наделяет суд полномочиями по оценке доказательств и обусловлена закрепленными Конституцией Российской Федерации принципами независимости и самостоятельности судебной власти.

Вместе с тем использование гражданско-правовых механизмов возмещения ущерба, предусмотренных статьями 15 и 1064 ГК Российской Федерации, для взыскания с обвиняемого расходов потерпевшего на оплату услуг адвоката по уголовному делу частного обвинения, прекращенному вследствие декриминализации деяния, предполагает возмещение процессуальных издержек, как и иных убытков, в полном объеме, т.е. без снижения размера выплат до разумных пределов, которые применяются к размеру процессуальных (судебных) издержек как в уголовном, так и в гражданском процессе. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, судебные расходы, понесенные на оплату услуг представителя, должны быть необходимыми (вынужденными) и возмещаться в разумных пределах (Постановление от 21 января 2019 года № 6-П). Снижение размера компенсации до разумных пределов предполагает установление действительной стоимости юридических услуг в границах существовавших на момент их оказания ее рыночных значений (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 апреля 2015 года № 708-О).

По смыслу данных правовых позиций суды должны иметь возможность на основе принципов разумности и справедливости оценивать размер расходов на оплату услуг представителей, учитывая, что проигравшая сторона, на которую возлагается бремя возмещения судебных расходов, не могла являться участником договора правовых услуг и никак не могла повлиять на размер вознаграждения представителя другой стороны, определенный в результате свободного соглашения без ее участия.

Соответственно, при возложении в порядке гражданского судопроизводства на лицо, в отно-

шении которого частное уголовное преследование прекращено в связи с декриминализацией деяния, обязанности возместить в полном объеме расходы частного обвинителя на представителя в уголовном деле, вопреки принципам справедливости и равенства, оно ставится в худшее положение по отношению к осужденному по делу частного обвинения, с которого такие же расходы взыскиваются в качестве процессуальных издержек лишь в разумных пределах. При этом в случае прекращения уголовного дела в связи с декриминализацией деяния обвиняемый даже при своих возражениях против прекращения дела не может рассчитывать на постановление по его делу приговора суда, поскольку, как следует из взаимосвязанных положений статей 49 (часть 1) и 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации, устранение новым уголовным законом преступности и наказуемости деяния означает как недопустимость постановления обвинительного приговора суда, устанавливающего вину лица, которому оно инкриминировалось, так и отсутствие необходимости подтверждения его невиновности в совершении деяния и, соответственно, недопустимость дальнейшего уголовного преследования такого лица, доказывания в предусмотренном федеральным законом порядке его вины, а тем более — подтверждения судом его виновности в совершении деяния, утратившего преступность и наказуемость (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2013 года № 24-П).

4. Таким образом, взаимосвязанные положения статей 15 и 1064 ГК Российской Федерации в той мере, в какой они в системе действующего правового регулирования (в том числе с учетом положений статей 131 и 132 УПК Российской Федерации и во взаимосвязи с Постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2012 года № 1240) в силу неопределенности нормативного содержания, порождающей в судебной практике возможность различного истолкования, не обеспечивают на основе принципов равенства и справедливости надлежащего уровня правового регулирования применительно к возмещению в разумных пределах необходимых расходов, понесенных потерпевшим (частным обвинителем) на оплату услуг представителя (адвоката) по уголовному делу, прекращенному за отсутствием состава преступления в связи с декриминализацией деяния, не соответствуют Конституции Российской

Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 23 (часть 1), 45, 46 (части 1 и 2) и 55 (части 2 и 3).

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47.1, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 80 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать взаимосвязанные положения статей 15 и 1064 ГК Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 23 (часть 1), 45, 46 (части 1 и 2) и 55 (части 2 и 3), в той мере, в какой по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой в системе действующего правового регулирования, в том числе с учетом положений статей 131 и 132 УПК Российской Федерации, они не обеспечивают надлежащего уровня правовой определенности применительно к возмещению в разумных пределах необходимых расходов, понесенных потерпевшим (частным обвинителем) на оплату услуг представителя (адвоката) по уголовному делу частного обвинения, прекращенному за отсутствием состава преступления в связи с декриминализацией деяния.

2. Федеральному законодателю надлежит — исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом настоящего Постановления — внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения.

3. Правоприменительные решения, принятые по делу гражданина Музыки Александра Николаевича, подлежат пересмотру после внесения в действующее правовое регулирование необходимых изменений во исполнение настоящего Постановления.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации